

АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ
1918—1956

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Собрание сочинений в 30 томах

Александр Солженицын
Архипелаг ГУЛАГ. Книга 2

«WebKniga»

Солженицын А. И.

Архипелаг ГУЛАГ. Книга 2 / А. И. Солженицын — «WebKniga»,
— (Собрание сочинений в 30 томах)

ISBN 978-5-9691-1053-3

В 4-5-6-м томах Собрания сочинений печатается «Архипелаг ГУЛАГ» – всемирно известная эпопея, вскрывающая смысл и содержание репрессивной политики в СССР от ранне-советских ленинских лет до хрущёвских (1918–1956). Это художественное исследование, переведенное на десятки языков, показало с разительной ясностью весь дьявольский механизм уничтожения собственного народа. Книга основана на огромном фактическом материале, в том числе – на сотнях личных свидетельств. Прослеживается судьба жертвы: арест, мясорубка следствия, комедия «суда», приговор, смертная казнь, а для тех, кто избежал её, – годы непосильного, изнурительного труда; внутренняя жизнь заключённого – «душа и колючая проволока», быт в лагерях (исправительно-трудовых и каторжных), этапы с острова на остров Архипелага, лагерные восстания, ссылка, послелагерная воля. В том 5-й вошли части Третья: «Истребительно-трудовые» и Четвертая: «Душа и колючая проволока».

ISBN 978-5-9691-1053-3

© Солженицын А. И.

© WebKniga

Содержание

Часть третья	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Исаевич Солженицын
Архипелаг ГУЛАГ
1918–1956
Опыт художественного исследования
Части III–IV

Часть третья
Истребительно-трудоуые

Только эти могут нас понимать, кто кушал разом с нами с одной чашки.

Из письма гуцулки, бывшей зэчки

То, что должно найти место в этой части, – неоглядно. Чтобы дикий этот смысл простичь и охватить, надо много жизней проволочить в лагерях – в тех самых, где и один срок нельзя дотянуть без льготы, ибо изобретены лагеря – на истребление.

Оттого: все, кто глубже черпанул, полнее изведаль, – те в могиле уже, не расскажут. *Главного* об этих лагерях уже никто никогда не расскажет.

И непосилень для одинокого пера весь объём этой истории и этой истины. Получилась у меня только щель смотровая на Архипелаг, не обзор с башни. Но, к счастью, ещё несколько выплыло и выплывет книг. Может быть, в «Колымских рассказах» Шаламова читатель верней ощутит безжалостность духа Архипелага и грань человеческого отчаяния.

Да вкус-то моря можно отведасть и от одного хлебца.

Глава 1

Персты Авроры

Когда начались советские концлагеря? – Ленинские требования к карательной системе. – Во что обошлось нам послеоктябрьское внутреннее подавление. – Несколько цифр по прежней России. – Недовольство Ленина первичными размерами репрессий. – Слабость первосоветских тюрем. – Использование дореволюционного тюремного персонала. – Переворот 6 июля 1918. – Принудительный труд от Маркса до Вышинского. – Инструкция 23 июля 1918, начало Архипелага. – ВЦИК создаёт сеть лагерей принудработ, весна 1919.

Декрет о Красном Троре 5 сентября 1918 и учреждение концентрационных лагерей. – Заключение по праву захвата. – Кого сажали в концлагеря. – Где оборудовали их. – Режим в рязанском концлагере 1921 года. – Лагерная статистика 1920 года. – Ранние лагеря принудительных работ. – Статистика 1922 года. Ведение ГУМЗАКа. – Запущенность, голод, смертность. – Состояние лагерной охраны. – Рост лагерной системы в 1923. – Переуплотнение лагерей. – Перевес закрытых мест заключения и изоляторов. – Требования к дальнейшему росту лагерей. – Административные преобразования центральных управлений.

Розовоперстая Эос, так часто упоминаемая у Гомера, а у римлян названная Авророй, обласкала своими перстами и первое раннее утро Архипелага.

Когда наши соотечественники слышали по Би-Би-Си, что М. Михайлов обнаружил, будто концентрационные лагеря существовали в нашей стране уже в 1921 году, то многие из нас (да и на Западе) были поражены: неужели так рано? неужели уже в 1921?

Конечно же нет! Конечно Михайлов ошибся. В 1921 они уже были на полном ходу, концентрационные (они даже *оканчивались* уже). Гораздо вернее будет сказать, что Архипелаг родился под выстрелы «Авроры».

А как же могло быть иначе? Рассудим.

Разве Маркс и Ленин не учили, что старую буржуазную машину принуждения надо сломать, а взамен неё тотчас же создать новую? А в машину принуждения входят: армия (мы же не удивляемся, что в начале 1918 создана Красная армия); полиция (ещё раньше армии обновлена и милиция); суд (с 24 ноября 1917); и – тюрьма. Почему бы, устанавливая диктатуру пролетариата, должны были умедлить с новым видом тюрьмы?

То есть вообще медлить с тюрьмой, старой ли, новой, было никак нельзя. Уже в первые месяцы после Октябрьской революции Ленин требовал «самых решительных драконовских мер поднятия дисциплины»¹. А возможны ли драконовские меры – без тюрьмы?

Что нового способно здесь внести пролетарское государство? Ильич нащупывал новые пути. В декабре 1917 он предположительно выдвигает набор наказаний такой: «конфискацию всего имущества... заключение в тюрьму, отправку на фронт и принудительные работы всем слушникам настоящего закона»². Стало быть, мы можем отметить, что ведущая идея Архипелага – принудительные работы, была выдвинута в первый же послеоктябрьский месяц.

Да над будущей карательной системой не мог не задумываться Владимир Ильич, ещё мирно сидя с другом Зиновьевым среди пахучих разливских сенокосов, под жужжание шмелей. Ещё тогда он подсчитал и успокоил нас, что «подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наёмных рабов дело настолько, сравнительно, лёгкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови... обойдётся человечеству гораздо дешевле», чем предыдущее подавление большинства меньшинством³.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд.: В 55 т. М.: Гос. изд-во политич. лит., 1958–1965. Т. 36, с. 217.

² Там же. Т. 35, с. 176.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 90.

И во сколько же обошлось нам это «сравнительно лёгкое» внутреннее подавление от начала Октябрьской революции? По подсчётам эмигрировавшего профессора статистики И. А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, – оно обошлось нам в... 66,7 миллионов человек (без этого дефицита – 55 миллионов).

Шестьдесят шесть миллионов! Пятьдесят пять!

Свой или чужой – кто не онемееет?

Мы, конечно, не ругаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных. Как только напечатаются официальные, так специалисты смогут их критически сопоставить. (Уже сейчас появилось несколько исследований с использованием утаённой и раздёрганной советской статистики, – но страшные тьмы погубленных наплывают те же.)

Тут бы интересны ещё такие цифры. Каковы штаты были в *центральной* аппарате страшного III отделения, протянутого ремешком через всю великую русскую литературу? При создании – 16 человек, в расцвете деятельности – 45. Для захолустнейшего ГубЧК – просто смешная цифра. Или: как много политзаключённых застала в царской Тюреме Народов Февральская революция? (Надо помнить, что в «политзаключённые» в прежней России зачислялись также экспроприаторы, налётчики, политические убийцы.) Где-то все эти цифры есть. Вероятно, в одних Крестах таких заключённых было более полусотни, да в Шлиссельбурге 63 человека, да несколько сотен вернулись из сибирской ссылки и каторги (из Александровского центра было освобождено около двухсот), да ещё ведь и в каждой губернской тюрьме сколько их томилось! А интересно – сколько? Вот цифра для Тамбова, взятая из тамошних горячих газет. Февральская революция, распахнувши дверь Тамбовской тюрьмы, нашла там политзаключённых... 7 (семь) человек. В Иркутской гораздо больше – 20. (Излишне напоминать, что от февраля до июля 1917 за политику не сажали, а после июля сидели тоже единицы, и крайне привольно.)

Однако вот беда: первое советское правительство было коалиционным, часть наркоматов пришлось-таки отдать левым эсерам, и в том числе, по несчастью, попал в их руки Наркомат Юстиции. Руководствуясь гнилыми мелкобуржуазными представлениями о свободе, этот НКЮ привёл наказательную систему едва ли не к развалу, приговоры оказались слишком мягкими, и почти не использовали передовой принцип принудработ. В феврале 1918 председатель СНК товарищ Ленин потребовал увеличить число мест заключения и усилить уголовные репрессии⁴, а в мае, уже переходя к конкретному руководству, он указал⁵, что за взятку надо давать не ниже 10 лет тюрьмы и *сверх того* 10 лет принудительных работ, то есть всего 20. Такая шкала могла первое время казаться пессимистической, неужели через 20 лет ещё понадобятся принудработы? Но мы знаем, что принуд работы оказались очень жизненной мерой и даже через 50 лет они весьма популярны.

Тюремный персонал ещё много месяцев после Октября оставался всюду царский, только назначили комиссаров тюрем. Обнаглевшие тюремщики создали свой *профсоюз* («союз тюремных служащих») и установили в тюремной администрации – выборное начало! Не отставали и заключённые: у них тоже было внутреннее самоуправление. (Циркуляр НКЮ от 24.4.1918: заключённых, где только возможно, привлекать к самоконтролю и самонаблюдению.) Такая арестантская вольница («анархическая распущенность»), естественно, не соответствовала задачам диктатуры передового класса и плохо способствовала очистке земли русской от вредных насекомых. (Да чего уж, если не были закрыты тюремные церкви! – и наши, советские, арестанты по воскресеньям охотно туда ходили, хоть бы и для разминки.)

⁴ Там же. Т. 54, с. 391.

⁵ Там же. Т. 50, с. 70.

Конечно, и царские тюремщики не вовсе были потеряны для пролетариата, как-никак – это была специальность, для ближайших целей революции важная. А поэтому предстояло «отбирать тех лиц из тюремной администрации, которые не совсем заскорузли и отупели в нравах царской тюрьмы (а что значит «не совсем»? а как это узнаешь? забыли «Боже, царя храни»?) и могут быть использованы для работы по новым заданиям»⁶. (Например, чётко отвечают «так точно», «никак нет»? или быстро поворачивают ключ в замке?) Конечно, и сами тюремные здания, камеры, решётки и замки хотя по виду и оставались прежними, но это только для поверхностного глаза, на самом же деле они получили *новое классовое содержание*, высокий революционный смысл.

И всё же навяз судам до середины 1918 года по инерции приговаривать всё «к тюрьме» да «к тюрьме» замедлял слом старой государственной машины в её тюремной части.

В середине 1918, а именно 6 июля, произошло событие, значение которого не всеми понимается, событие, поверхностно известное как «подавление мятежа левых эсеров». А между тем это был переворот, вряд ли уступающий 25 октября. 25 октября была провозглашена власть Советов Депутатов, оттого и названная *советской* властью. Но первые месяцы эта новая власть ещё сильно замутнялась представительством в ней также и других партий, кроме большевиков. Хотя коалиционное правительство создано было только из большевиков и левых эсеров, однако в составе Всероссийских съездов (II, III, IV) и избранных на них ВЦИКов ещё попадались и представители других социалистических партий – эсеров, социал-демократов, анархистов, народных социалистов. От этого ВЦИКи носили нездоровый характер «социалистических парламентов». Но в течение первых месяцев 1918 года рядом решительных мер (поддержанных левыми эсерами) представители других социалистических партий либо исключались из ВЦИКа (его же решением, своеобразная парламентская процедура), либо не допускались быть в него избранными. Последней инородной партией, ещё составлявшей третью долю парламента (V Съезда Советов), были левые эсеры. Пришло наконец время освободиться и от них. 6 июля 1918 года они были поголовно все исключены из ВЦИКа и СНК. Тем самым власть Советов Депутатов (по традиции называемая советской) перестала противостоять воле партии большевиков и приняла формы Демократии Нового Типа.

Только с этого исторического дня и могла по-настоящему начаться перестройка старой тюремной машины и создание Архипелага⁷.

А направление этой желаемой перестройки было понятно давно. Ведь ещё Маркс в «Критике Готской программы» указал, что единственное средство исправления заключённых – производительный труд. Разумеется, как объяснил гораздо позже Вышинский, «не тот труд, который высушивает ум и сердце человека», но «чародей, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев»⁸. Почему наш заключённый не должен точить ляды в камере или книжечки почитывать, а должен трудиться? Да потому что в Республике Советов не может быть места вынужденной праздности, этому «принудительному паразитизму», который мог быть при паразитическом же царском строе, например в Шлиссельбурге. Такое арестантское безделье просто противоречило бы основам трудового строя Советской Республики, зафиксированным в Конституции 10.7.1918: не трудящийся да и не ест. Стало быть, если б заключённые не были привлечены к работе, они по новой Конституции должны были быть лишены пайки.

⁶ Советская юстиция: Краткий сборник статей к Съезду Советов / Под ред. и с предисл. Д. И. Курского. М.: Гос. Изд-во, 1919, с. 20.

⁷ На суконно-пламенном языке Вышинского: «...единственный в мире имеющий подлинное всемирно-историческое значение процесс создания на развалинах старой, дворянско-полицейской и буржуазной системы тюрем, этих “мёртвых домов”, построенных эксплуататорами для трудящихся, – новых учреждений... с новым социальным содержанием». (От тюрем к воспитательным учреждениям / Под общ. ред. А. Я. Вышинского; Институт Уголовной и Исправительно-трудовой Политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР. М.: Советское Законодательство, 1934, с. 5.)

⁸ Там же, с. 10.

Центральный Карательный Отдел НКЮ, созданный в мае 1918 (и возглавленный уже большевиками, левые эсеры после Брестского мира вышли из правительства), тотчас погнал тогдашних эзков на работу («начал организовывать производительный труд»). Но законодательно это было объявлено уже после июльского переворота, именно 23 июля 1918 года – во «Временной инструкции о лишении свободы» (она просуществовала всю Гражданскую войну до ноября 1920): «*Лишённые свободы и трудоспособные обязательно привлекаются к физическому труду*».

Можно сказать, что от этой вот Инструкции 23 июля 1918 (через девять месяцев после Октябрьской революции) и пошли лагеря, и родился Архипелаг. (Кто упрекнёт, что роды были преждевременны?)

Необходимость принудительного труда заключённых (и без того, впрочем, всем уже ясная) была ещё пояснена на VII Всероссийском Съезде Советов: «Труд – наилучший способ парализовать развращающее влияние... бесконечных разговоров заключённых между собой, в которых более опытные просвещают новичков»⁹.

Тут вскоре подоспели и коммунистические субботники, и тот же НКЮ призвал: «Необходимо приучить [заключённых] к труду коммунистическому, коллективному»¹⁰. То есть уже и дух коммунистических субботников перенести в *принудительные* лагеря!

Так эта поспешная эпоха нагородила сразу много задач, разбираться в которых досталось десятилетиям.

Основы «исправтрудполитики» были на VIII съезде РКП(б) (март 1919) включены в новую партийную программу. Полное же организационное оформление лагерной сети по Советской России строго совпало с первыми коммунистическими субботниками (12 апреля – 17 мая 1919 года): постановления ВЦИК о лагерях принудительных работ состоялись 15 апреля 1919 и 17 мая 1919¹¹. По ним лагеря принудработ создавались (усилиями ГубЧК) непременно в каждом губернском городе (по удобству – в черте города, или в монастыре, или в близкой усадьбе) и в некоторых уездах (пока – не во всех). Лагеря должны были содержать каждый не менее трёхсот человек (дабы трудом заключённых окупались и охрана, и администрация) и находиться в ведении Губернских Карательных Отделов.

Однако лагеря принудработ всё же не были *первыми* лагерями в РСФСР. Читатель уже несколько раз прочёл в трибунальских приговорах (Часть Первая, глава 8) – «концлагерь» и счёл, быть может, что мы оговорились? что мы неосмотрительно используем более позднюю терминологию? Нет.

В августе 1918 года, за несколько дней до покушения на него Ф. Каплан, Владимир Ильич в телеграмме к Евгению Бош¹² и Пензенскому губисполкому (они не умели справиться с крестьянским восстанием) написал: «сомнительных (не «виновных», но *сомнительных*. – А. С.) запереть в концентрационный лагерь вне города». А кроме того: «...провести безпощадный массовый террор...»¹³ (это ещё не было декрета о терроре).

А 5 сентября 1918, дней через десять после этой телеграммы, был издан Декрет СНК о Красном Терроре, подписанный Петровским, Курским и В. Бонч-Бруевичем. Кроме указаний

⁹ Отчёт Народного Комиссариата Юстиции VII Всероссийскому Съезду Советов. [М.]: Типогр. при Московской Таганской Тюремь, [б/г], с. 9.

¹⁰ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Вып. 3. М.: Нар. ком. юст., 1918, с. 137.

¹¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 24 апреля 1919, № 12. Ст. 124: О лагерях принудительных работ; 3 июня 1919, № 20. Ст. 235: Об организации лагерей принудительных работ.

¹² Этой забытой теперь женщине была вручена тогда (по линии ЦК и ЧК) судьба всей Пензенской губернии.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50, с. 143, 144.

о массовых расстрелах в нём, в частности, говорилось: «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путём изолирования их в *концентрационных лагерях*»¹⁴.

Так вот *где* – в письме Ленина, а затем в декрете Совнаркома – был найден и тотчас подхвачен и утверждён этот термин – «концентрационные лагеря», – один из главных терминов Двадцатого века, которому предстояло широкое международное будущее! И вот *когда* – в августе и сентябре 1918 года. Само-то слово уже употреблялось в Первую Мировую войну, но по отношению к военнопленным, к нежелательным иностранцам. Здесь оно впервые применено к гражданам собственной страны. Перенос значения понятен: концентрационный лагерь для пленных не есть тюрьма, а необходимое предупредительное сосредоточение их. Так и для сомнительных соотечественников предлагались теперь внесудебные предупредительные сосредоточения. Энергичному ленинскому уму, увидев мысленно колючую проволоку вокруг неосуждённых, спонтанно было найти и нужное слово – концентрационные!

Впрочем, глава Реввоен трибуналов так и пишет: «Заключение в концентрационные лагеря получает характер изоляции военнопленных»¹⁵. То есть откровенно: по праву захвата, все черты военных действий – только против своего народа.

И если лагеря принудительных работ НКЮ вошли в класс «общих мест заключения», то концлагеря никак не были «общим местом», но содержались в прямом ведении ЧК для *особо-враждебных элементов* и для *заложников*. В концлагеря в дальнейшем попадали, правда, и через трибунал; но, само собою, лились не осуждённые, а лишь *по признаку враждебности*¹⁶. За побег из концлагеря срок увеличивался (тоже без суда) в *десять раз!* (Это ведь звучало тогда: «десять за одного!», «сто за одного!».) Стало быть, если кто имел пять лет, бежал и пойман, то срок его автоматически удлинялся до 1968 года. За второй же побег из концлагеря полагался расстрел (и конечно применялся аккуратно).

На Украине концентрационные лагеря были созданы с опозданием – только в 1920 году.

Глубоко сидели лагерные корешки, только потеряли мы их места и следы. О большей части первых концлагерей нам уже никто не расскажет. Лишь по последним свидетельствам ещё не умерших тех первых концлагерников можно выхватить что-то и спасти.

Излюбили тогда власти устраивать концлагеря в бывших монастырях: крепкие замкнутые стены, добротные здания и – пустуют (ведь монахи – не люди, их всё равно вышвыривать). Так, в Москве концлагеря были в Андрониковом монастыре, Новоспасском, Ивановском. В петроградской «Красной газете» от 6 сентября 1918 читаем, что первый концентрационный лагерь «будет устроен в Нижнем Новгороде, в пустующем женском монастыре... *В первое время* предложено отправить в Нижний Новгород в концентрационный лагерь 5 тысяч человек» (курсив мой. – А. С.).

В Рязани концлагерь учредили тоже в бывшем женском монастыре (Казанском). Вот что о нём рассказывают. Сидели там купцы, священники, «военнопленные» (так называли взятых офицеров, не служивших в Красной армии). Но и – неопределённая публика (толстовец И. Е-в, о чьём суде мы уже знаем, попал сюда же). При лагере были мастерские – ткацкая, портновская, сапожная и (в 1921 так и называлось уже) – «общие работы», ремонт и строительство в городе. Выводили под конвоем, но мастеров-одиночек, по роду работы, выпускали безконвойно, и этих жители подкармливали в домах. Население Рязани очень сочувственно относилось к *лишенникам* («лишённые свободы», а не «заключённые» официально назывались они), проходящей колонне подавали милостыню (сухари, варёную свёклу, картофель) – конвой не мешал принимать подаяния, и лишенники делили всё полученное поровну. (Что ни шаг – *не*

¹⁴ Собрание узаконений... 1918: Отд. 1. № 65. Ст. 710: О Красном терроре.

¹⁵ К. Х. Данишевский. Революционные Военные Трибуналы. М.: Издание Реввоен трибунала Республики, 1920, с. 40. (Под грифом «Секретно».)

¹⁶ От тюрем к воспитательным учреждениям, с. 27, 28.

наши обычаи, не наша идеология.) Особенно удачливые лишенники устраивались по специальности в учреждения (Е-в – на железную дорогу) – и тогда получали пропуск для хождения по городу (а ночевать в лагере).

Кормили в концлагере так (1921): полфунта хлеба (плюс ещё полфунта выполняющим норму), утром и вечером – кипяток, среди дня – черпак баланды (в нём – несколько десятков зёрен и картофельные очистки).

Украшалась лагерная жизнь, с одной стороны, доносами провокаторов (и арестами по доносам), с другой – драматическим и хоровым кружком. Давали концерты для рязанцев в зале бывшего Благородного собрания, духовой оркестр лишенников играл в городском саду. Лишенники всё больше знакомились и сближались с жителями, это оказывалось уже нетерпимо, – и тут-то стали «военнопленных» высылать в Северные Лагерь Особого Назначения.

Урок нестойкости и несуровости концентрационных лагерей в том и состоял, что они находились в окружении гражданской жизни. Оттого-то и понадобились особые северные лагерь. (Концентрационные упразднены после 1922.)

Вся эта лагерная заря достойна того, чтобы лучше взглядеться в её переливы.

* * *

По окончании Гражданской войны созданные Троцким две труд армии из-за ропота задержанных солдат пришлось распустить – и тем роль лагерей принудительного труда в структуре РСФСР естественно усилилась. К концу 1920 в РСФСР было 84 лагеря в 43 губерниях¹⁷. Если верить официальной (хотя и засекреченной) статистике, там содержалось в это время 25 336 человек и, кроме того, ещё 24 400 «военнопленных гражданской войны»¹⁸. Обе цифры, особенно последняя, кажутся сильно преуменьшенными. Однако, если учесть, что сюда не входят заключённые в системе ЧК, где *разгрузками тюрем*, потоплениями барж и другими видами массовых уничтожений счёт много раз начинался с нуля и снова с нуля, – может быть, эти цифры и верны. В дальнейшем они наверстались.

Ранние лагеря принудительных работ представляются нам сейчас какой-то неосвязаемостью. Люди, которые в них сидели, как будто ничего никому не рассказали – свидетельств нет. Художественная литература, мемуары, говоря о военном коммунизме, упоминают расстрелы и тюрьмы, но ничего не пишут о лагерях. Нигде даже между строчками, нигде за текстом они не подразумеваются. Где были эти лагеря? Как назывались?.. Как выглядели?..

Инструкция от 23 июля 1918 имела тот решительный (всеми юристами отмечаемый) недостаток, что в ней ничего не было сказано о классовой дифференциации заключённых, то есть что одних заключённых надо содержать лучше, а других хуже. Но в ней был расписан порядок труда – и только поэтому мы можем кое-что себе представить. Рабочий день был установлен – 8 часов. Сгоряча, по новинке, решено было за всякий труд заключённых, кроме хозяйственных работ по лагерю, платить... (чудовищно, перо не может вывести)... 100 % по расценкам соответствующих проф союзов. (По Конституции заставляли работать, но и платить собирались по Конституции, ничего не скажешь.) Правда, из заработка вычиталась стоимость содержания лагеря и охраны. Для «добросовестных» была льгота: жить на частной квартире, а в лагерь являться лишь на работу. За «особое трудолюбие» обещалось досрочное освобождение. А в общем, подробных указаний о режиме не было, в каждом лагере было по-своему. «В период строительства новой власти и принимая во внимание *сильное переполнение мест заключения* (курсив наш. – А. С.), нельзя было думать о режиме, когда всё внимание было направлено

---

¹⁷ Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (ЦГАОР), фонд 393, опись 13, дело 1в, лист 111.

¹⁸ Там же, л. 112.

на разгрузку тюрем»¹⁹. Прочтёшь такое – как вавилонскую клинопись. Сколько сразу вопросов: что делалось в тех бедных тюрьмах? «Наши тюремные порядки безобразны... Самое краткосрочное заключение превращается в мучение»²⁰. И от каких же социальных причин такое переполнение? И понимать ли «разгрузку» как расстрелы или как рассылку по лагерям? И что значит – нельзя было думать о режиме? – значит, Наркомюст не имел времени охранить заключённого от произвола местного начальника лагеря, только так можно понять? Инструкции о режиме не было, и в годы *революционного правосознания* каждый самодур мог делать с заключённым что хотел??

Из скромной статистики (всё из того же сборника «От тюрем...») узнаём: работы в лагерях были в основном чёрные. В 1919 только 2,5 % заключённых работали в кустарных мастерских, в 1920 – 10 %. Известно также, что в конце 1918 Центральный Карательный Отдел (а названьице-то! по коже пробирает) хлопотал о создании земледельческих колоний. Известно, что в Москве было создано из заключённых несколько «ударных» бригад по ремонту водопровода, отопления и канализации в национализированных зданиях Москвы. (И эти, очевидно безконвойные, арестанты бродили с гаечными ключами, паяльниками и трубами по Москве, по коридорам учреждений, по квартирам тогдашних больших людей, вызванные по телефону их жёнами для ремонта, – а вот же не попали ни в одни мемуары, ни в одну пьесу, ни в один фильм.) А если таких специалистов в заключении не оказывалось? Можно предположить, что их *подсаживали*.

Дальнейшие сведения о тюремно-лагерной системе, какой она была в 1922 году, нам даёт счастливо сохранившийся отчёт X Съезду Советов начальника всех мест заключения РСФСР товарища Е. Ширвиндта²¹. В этом году впервые были объединены все места заключения Наркомюста и НКВД (кроме *специальных мест заключения ГПУ*) – в единый ГУМЗАК (Главное Управление Мест Заключения) и переданы под крыло товарища Дзержинского. (Имея под другим крылом места заключения ГПУ, он с ненасытностью хотел возглавлять и эти все.) ГУМЗАК объединил 330 мест заключения с общим числом лишённых свободы – 80–81 тысяча, – подросло сравнительно с 1920 годом, «в нынешнем году констатируется постоянный рост населения мест заключения». Но из этой же брошюры узнаём (с. 40), что вместе с ГПУ никогда не было заключённых меньше 150 тысяч, а порой доходило до 195 тысяч. «Население мест заключения становится всё более устойчивым» (с. 10), «процент числящихся за ревтрибуналами не только не падает, но проявляет определённую тенденцию к росту» (с. 13). А в местах недавних народных волнений – в центрально-чернозёмных губерниях, в Сибири, на Дону и Северном Кавказе, число подсудимых составляет 41–43 % от всех заключённых, что свидетельствует о хорошей перспективе роста лагерей.

В систему ГУМЗАКа в 1922 году входят: исправительно-трудовые дома (сиречь – срочные тюрьмы), дома предварительного заключения (сиречь – следственные), пересыльные, карантинные, изоляционные тюрьмы (Орловская «не в состоянии вместить всех трудноисправимых», и возобновлены Кресты, так славно распахнутые в феврале 1917), сельскохозяйственные колонии (с корчёвкой кустарников и пней, вручную), трудовые дома для несовершеннолетних и – концентрационные лагеря. Развитое же пенитенциарное дело! В тюрьмах «на каждые 5 мест приходится с лишком 6 человек, причём имеется много таких домов, где на одно место приходится 3 и более человек» (с. 8).

Узнаём о зданиях (тюремных и лагерных): пришли в такой упадок, что не удовлетворяют даже основным санитарным требованиям, «в такую негодность, что... целые корпуса и даже целые исправдома пришлось закрыть» (с. 17). О питании. «В 1921 места заключения были в

¹⁹ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Вып. 7. М.: Нар. ком. юст., 1920.

²⁰ К. Х. Данишевский. Революционные Военные Трибуналы, с. 39.

²¹ Пенитенциарное дело в 1922 году / РСФСР. Главное управление местами заключения. М., 1923.

тяжёлом положении: на заключённых не было достаточного количества пайков». С 1922 из-за перехода на местные бюджеты «материальное положение мест заключения надо считать почти катастрофическим» (с. 2), местные губисполкомы даже отказывают в полной выдаче пайка заключённым. В начале года на 150–195 тысяч заключённых Госплан отпустил 100 тысяч пайков, нормы питания сокращались, некоторые продукты не выдавались совсем (три четверти заключённых получали менее 1 500 калорий), а с 1 декабря 1922 все места заключения, кроме 15, имеющих общегосударственное значение, вовсе сняты с пайкового довольствия. «Заключённые голодают» (с. 41).

Государство хотело, хотело иметь Архипелаг, только нечем было его кормить!

Расценки за работы – уже сниженные. «Снабжение вещевым довольствием было крайне неудовлетворительно... Надо ожидать, что оно примет катастрофический характер» (с. 42). «Недостаток топлива испытывается почти повсеместно». Смертность за октябрь 1922 составила по ГУМЗАКу не менее 1 %. Это значит, за зиму предстояло потерять больше 6 % – а то и 10 %?

Не могло это не отразиться и на охране. «Большинство надзора буквально бежит со службы, а некоторые спекулируют и входят в сделки с заключёнными» (с. 43) – и сколько же их ещё обворовывают! «Сильный рост должностных преступлений среди сотрудников, толкаемых на то голодом». Многие перешли на лучше оплачиваемую работу. «Имеются исправдома, где остались только начальник и один надзиратель» (можно представить, какой негодящий) – и «приходится к обязанностям надзора привлечь самих заключённых из числа образцовых».

И какую же надо было иметь дзержинскую силу духа и веру в коммунистическое наказательное дело, чтоб этот вымирающий Архипелаг не распустить по домам, но вытягивать в светлое будущее!

И что ж? К октябрю 1923, уже в начале безоблачных годов НЭПа (и довольно далеко ещё до *культы личности*) содержалось: в 355 лагерях – 68 297 лишённых свободы, в 207 исправдомах – 48 163, в 105 домзаках и тюрьмах – 16 765, в 35 сельхозколониях – 2 328 и ещё 1 041 несовершеннолетних и больных²².

И это всё – без лагерей ГПУ! Радостный рост! Нытики посрамлены. Партия опять оказалась права: заключённые не только не умерли, норосло их чуть не в два раза, а мест заключения – и больше, чем в два, не рухнули.

Есть и другая выразительная статистика: переуплотнение лагерей (число заключённых росло быстрее, чем организация лагерей). На 100 штатных мест приходилось в 1924 – 112 заключённых, в 1925 – 120, в 1926 – 132, в 1927 – 177²³. Кто сам *сидел*, хорошо понимает, каков лагерный быт (место на нарах, миски в столовой или телогрейки), если на 1 место приходится 1,77 заключённых.

Развитием лагерной системы развернулась смелая «борьба с тюремным фетишизмом» всех стран мира и в том числе прежней России, где ничего не могли придумать, кроме тюрем и тюрем. («Царское правительство, превратившее в одну огромную тюрьму всю страну, с каким-то утончённым садизмом развивало свою тюремную систему»²⁴.)

Хотя до 1924 и на Архипелаге всё ещё недостаточно «простых трудколоний». В эти годы перевешивают «закрытые места» заключения, да не уменьшатся они и после. (В докладе 1924 года Крыленко требует увеличить число изоляторов специального назначения – изоляторов для нетрудящихся и для *особо-опасных из числа трудящихся* (каким, очевидно, и окажется потом сам Крыленко).

²² ЦГАОР, ф. 393, оп. 39, д. 48, л. 13, 14.

²³ А. А. Герцензон. Борьба с преступностью в РСФСР: По материалам обследования ЧК РКИ СССР / Под ред. и с предисл. В. А. Радус-Зеньковича. М.: Юридик. изд-во НКЮ РСФСР, 1928, с.103.

²⁴ От тюрем к воспитательным учреждениям, с. 431.

Эта его формулировка так и вошла в Исправительно-трудовой кодекс 1924 года.)

А на пороге «реконструктивного периода» (значит – с 1927 года) «роль лагерей... (что бы вы думали? теперь-то, после всех побед?)... *возрастает* – против наиболее опасных враждебных элементов, вредителей, кулачества, контрреволюционной агитации»²⁵.

Итак, Архипелаг не уйдёт в морскую пучину! Архипелаг будет жить!

Как при сотворении всякого Архипелага происходят где-то невидимые передвижки важных опорных слоёв прежде, чем станет перед нами картина мира, – так и тут происходили важнейшие перемещения и переименования, почти недоступные нашему уму. Вначале первоизданная неразбериха, местами заключения руководят три ведомства: ВЧК (г. Дзержинский), НКВД (г. Петровский) и НКЮ (г. Курский); в НКВД – то ГУМЗАК (Главное Управление Мест Заключения, сразу после Октября 1917), то ГУПР (Главное Управление Принудительных Работ), то снова ГУМЗАК; в НКЮ – Тюремное Управление (декабрь 1917), затем Центральный Карательный Отдел (май 1918) с сетью губернских карательных отделов и даже съездами их (сентябрь 1920), затем облагодзвученный в Центральный Исправительно-Трудовой Отдел (1921). Разумеется, такое рассредоточение не служило к пользе карательно-исправительного дела, и Дзержинский добивался единства управления. Кстати, тут произошло мало кем замеченное сращение НКВД с ВЧК: с 16 марта 1919 Дзержинский стал по совместительству также наркомом внутренних дел. А в 1922, как уже сказано, он добился передачи к себе в НКВД и всех мест заключения из НКЮ (25.6.1922).

Параллельно тому шла перестройка и лагерной охраны. Сперва это были войска ВОХР (Внутренней Охраны Республики), затем ВНУС (Внутренней Службы), в 1919 они соединились с корпусом ВЧК²⁶, и председателем их Военного Совета стал Дзержинский же. (И тем не менее, тем не менее до 1924 поступали жалобы на многочисленность побегов, на низкое состояние дисциплины работников²⁷.) Лишь в июне 1924 декретом ВЦИК – СНК в корпусе Конвойной Стражи введена военная дисциплина и укомплектование через Наркомвоенмор²⁸.

Ещё тому параллельно создаётся в 1922 Центральное Бюро Дактилоскопической регистрации и Центральный Питомник служебных и розыскных собак.

А за это время ГУМЗАК СССР переименовывается в ГУИТУ СССР (Главное Управление Исправительно-Трудовых Учреждений), а затем и в ГУИТЛ ОГПУ (Главное Управление Исправительно-Трудовых Лагерей), и Начальник его одновременно становится Начальником Конвойных войск СССР.

И сколько ж это волнений! И сколько ж это лестниц, кабинетов, часовых, пропусков, печатей, вывесок!

А из ГУИТЛа, сына ГУМЗАКа, и получился-то наш ГУЛАГ.

---

²⁵ И. Л. Авербах. От преступления к труду / Под ред. А. Я. Вышинского; Академия Наук СССР. Институт советского строительства и права. [М.]: Советское законодательство, 1936.

²⁶ Власть советов: Журнал ВЦИК. М.: Всерос. центр. исполком, 1919, № 11, с. 6, 7.

²⁷ ЦГАОР, ф. 393, оп. 47, д. 89, л. 11.

²⁸ Там же, оп. 53, д. 141, л. 1, 3, 4.

Глава 2

Архипелаг возникает из моря

Соловецкие острова. – Основание Соловецкого монастыря и расцвет его. – Крепостное использование. – Монастырская тюрьма. – Советская легенда о пытках в ней. – Эксплуатация монастыря в ранне-советское время. – Поджог и грабёж. – Выброс монахов. – Чекисты приехали. – Первые лагеря Особого назначения.

Кемперпункт и порядки в нём. – Легендарный ротмистр Курилко. – К Соловкам по льду и на пароходе. – Соловецкий дух, зародыш Архипелага. – Карцеры и лестница Секирной горы. – Другие соловецкие расправы. – Соловецкая фантастика. – Денежные боны. – Соловецкий журнал, театр, общество краеведения. – Ни одного выстрела иначе как по заключённому. – Дневной расстрел под колокольной. – Расстрельная дорога. – Офицеры перед смертью. – Рост Соловецкого лагеря. – Сдерживать ужасом! – Отборный состав узников. – Приёмы хорошего тона. – Предсмертные дни Георгия Осоргина. – Смешанный воздух Соловков, непонимание всеобщей обречённости. – Белогвардейцы в управлении Соловками. – Борьба белогвардейской Адмчасти с чекистской Информационно-Следственной. – Разоблачение стукачей. – Формула Нафталия Френкеля.

Упадок соловецкого хозяйства при чекистах. – Худая пища, цынга, тяжести и издевательства быта. – Убийства на Голгофской горе. – История Голгофско-Распятского скита. – Эпидемии 1928 и 1929 годов на Соловках. – Проступание черт будущего архипелажного быта. – Дальние рабочие командировки. – Переход Соловков к экономической системе. – Прокладка материковых трактов. – Групповые казни за невыполнение нормы. – Обстановка работы. – Начало злокачественного распространения Соловков. – Меры расчуждения вольных и зэков. – Побег с Соловков. – Книги о Соловках в Европе. – Приезд Горького на Соловки. – Эпизод в Кеми. – Осмотр лагеря. – Эпизод с мальчиком-правдолюбом. – Горьковские похвалы Соловкам. – Мотивировки его поведения? – Массовый расстрел 29 октября 1929. – Сын священника Успенский. – Вид той ямы через 45 лет. – Мор истинно-православных на Малом Заяцком острове.

Соловки бытуют. – Воровки и проститутки. – Несовершеннолетние. – Перековка. – «Соревнование и ударничество» на Соловках. – Воровская «коммуна». – «От нас всё – нам ничего!» – Пятьдесят Восьмая вне трудколлективов. – Рассылка Пятьдесят Восьмой прочь с Соловков. – Зэки Новой Земли.

На Белом море, где ночи полгода белые, Большой Соловецкий остров поднимает из воды белые церкви в обводе валунных кремлёвских стен, ржаво-красных от прижившихся лишайников, – и серо-белые соловецкие чайки постоянно носятся над Кремлём и клекочат.

«В этой светлости как бы нет греха... Эта природа как бы ещё не доразвилась до греха» – так ощутил Соловецкие острова Пришвин²⁹.

Без нас поднялись эти острова из моря, без нас налились двумястами рыбными озёрами, без нас заселились глухарями, зайцами, оленями, а лисиц, волков и другого хищного зверя не было тут никогда.

Приходили ледники и уходили, гранитные валуны натеснялись вокруг озёр; озёра замерзали соловецкою зимнею ночью, ревели море от ветра и покрывалось ледяною шугой, а где

---

²⁹ И только сами монахи показались ему для Соловков грешными. Был 1908 год, и по тогдашним либеральным понятиям невозможно было вымолвить о духовенстве одобрительно. А нам, прошедшим Архипелаг, те монахи, пожалуй, и ангелами покажутся. Имея возможность есть «от пуза», они в Голгофско-Распятском скиту даже рыбу, постную пищу, разрешали себе лишь по великим праздникам. Имея возможность привольно спать, они бодрствовали ночами и (в том же скиту) круглосуточно, круглогодно, кругломерно читали псалтырь с поминовением всех православных христиан, живых и умерших. Как предчувствовали, что будет там дальше.

схватывалось; полыхали полярные сияния в полнеба; и снова светлело, и снова теплело, и подрастали и толщали ели, квохтали и кликали птицы, трубили молодые олени – кружилась планета со всей мировой историей, царства падали и возникали – а здесь всё не было хищных зверей и не было человека.

Иногда тут высаживались новгородцы и зачли острова в Обонежскую пятину. Живали тут и карелы. Через полста лет после Куликовской битвы и за полтысячи лет до ГПУ пересекли перламутровое море в лодчѐнке монахи Савватий и Зосима и этот остров без хищного зверя сочли святым. С них и пошёл Соловецкий монастырь. С тех пор поднялись тут Успенский и Преображенский соборы, церковь Вознесения Господня на Секирной горе, и ещё два десятка церквей, и ещё два десятка часовен, скит Голгофский, скит Троицкий, скит Савватиевский, скит Муксалмский, и одинокие укывища отшельников и схимников по дальним местам. Здесь приложен был труд многих – сперва самих монахов, потом и монастырских крестьян. Соединились десятками каналов озѐра. В деревянных трубах пошла озѐрная вода в монастырь. А самое удивительное – легла (XIX век) дамба на Муксалму из неподымных валунов, как-то уложенных по отмелям. На Большой и Малой Муксалме стали пастись тучные стада, монахи любили ухаживать за животными, ручными и дикими. Соловецкая земля оказалась не только святой, но и богатой, способной кормить тут многие тысячи³⁰. Огороды растили плотную белую сладкую капусту (кочерыжки – «соловецкие яблоки»). Все овощи были свои, да все сортные, и свои цветочные оранжереи, даже розы. А то вызревали и бахчи. Развились рыбные промыслы – морская ловля и рыбоводство в отгороженных от моря «митрополичьих садках». С веками и с десятилетиями свои появились мельницы для своего зерна, свои лесопильни, своя посуда из своих гончарных мастерских, своя литейка, своя кузница, своя переплѐтная, своя кожевенная выделка, своя каретная и даже электростанция своя. И сложный фасонный кирпич, и морские судѐнышки для себя – всё делали сами.

Однако никакое народное развитие ещё никогда не шло, не идёт – и будет ли когда-либо идти? – без сопутствования мыслью военной и мыслью тюремной.

Мысль военная. Нельзя же каким-то безрассудным монахам просто жить на просто острове. Остров – на границе Великой Империи, и стало быть, надо воевать ему со шведами, с датчанами, с англичанами, и стало быть, надо строить крепость со стенами восьмиметровой толщины, и воздвигнуть восемь башен, и бойницы проделать узкие, а с колокольни соборной обезпечить наблюдательный обзор. (И пришлось-таки монастырю стоять против англичан в 1808 и в 1854, и выстоять, а против никоновцев в 1667 предал Кремль царскому боярину монах Феоктист, открыв тайный ход.)

Мысль тюремная. Как же это славно – на отдельном острове да стоят добрые каменные стены. Есть куда посадить важных преступников, и охрану с кого спросить есть. Душу спасать мы им не мешаем, а узников нам постереги. (Сколько вер разбило в человечестве это тюремное совместительство иных христианских монастырей.)

И думал ли о том Савватий, высаживаясь на святом острове?..

Сажались сюда еретики церковные, сажались и еретики политические. Не доброй волей удалился сюда на покой Авраамий Палицын (и умер тут). Тут сидел дядя Пушкина П. Ганнибал – за сочувствие к декабристам. Уже в глубокой старости был посажен сюда последний кошевой Запорожского войска Калнышевский и после долгого срока освобожден, будучи старше ста лет.

Но тех всех, однако, почти можно по именам перечесть³¹.

---

³⁰ Специалисты истории техники говорят, что Филипп Колычев (возвысивший голос против Грозного) внедрил в XVI веке технику в сельское хозяйство Соловков так, что и через три века не стыдно было бы повсюду.

³¹ Государственная тюрьма в Соловках существовала с 1718. В 80-х годах XIX века командующий войсками С.-Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович, посетив Соловки, нашёл воинскую команду там совершенно излишней и убрал солдат с Соловков. С 1903 соловецкая тюрьма прекратила своё существование. (А. С. *Пругавин*.

На древнюю историю соловецкой монастырской тюрьмы уже в советское, уже в лагерное время Соловков наброшена была накидка модного мифа, которая, однако, обманула создателей справочников и исторических описаний, – и теперь мы в нескольких книгах можем прочесть, что соловецкая тюрьма была пыточной; что тут были и крюки для дыбы, и плети, и каление огнём. Но всё это – принадлежности доелизаветинских следственных тюрем или западной инквизиции, никак не свойственные русским монастырским темницам вообще, а примысленные сюда исследователем недобросовестным да и несведущим.

Старые соловчане хорошо помнят его – это был *шпынь* Иванов, по лагерному прозвищу «антирелигиозная бацилла». Прежде он состоял службой при архиепископе новгородском, арестован за продажу церковных ценностей шведам. На Соловки попал году в 1925 и заметался, как уйти от общих работ и от гибели. Он специализировался по антирелигиозной пропаганде среди заключённых, конечно стал и сотрудником ИСЧ (Информационно-Следственная Часть, так откровенно и называлась). Но больше того: руководителей лагеря он взволновал предположениями, что здесь зарыты монахами многие клады, – и так создали под его началом Раскопочную Комиссию. Много месяцев эта комиссия копала – увы, монахи обманули психологические расчёты *антирелигиозной бациллы*: никаких кладов они на Соловках не зарыли. Тогда Иванов, чтобы с почётом выйти из положения, принялся истолковывать подземные хозяйственные, складские и оборонные помещения – как тюремные и пыточные. Деталей пыток, естественно, не могло сохраниться за столько столетий, но уж крюк (для подвески туш) конечно свидетельствовал, что здесь была дыба. О XIX веке труднее было обосновать, почему никаких следов мучительства не осталось, – и так было заключено, что «с прошлого века режим соловецкой тюрьмы значительно смягчился». «Открытия» *антирелигиозной бациллы* очень приходились в цвет времени, несколько утешили разочарованное начальство, были помещены в лагерном журнале «Соловецкие острова», потом отдельно отпечатаны в соловецкой типографии – и так с успехом задымили историческую истину. (Затея тем более уместная, что Соловецкий процветающий монастырь был в большой славе и уважении по всей Руси ко времени революции.)

Но когда власть перешла в руки трудящихся, – что ж стало делать с этими злостными тунеядцами монахами? Послали туда комиссаров, социально-проверенных руководителей, монастырь объявили совхозом и велели монахам меньше молиться, а больше трудиться на пользу рабочих и крестьян. Монахи трудились, и та поразительная по вкусу селёдка, которую они ловили благодаря особому знанию мест и времени, где забрасывать сети, отсылалась в Москву на кремлёвский стол.

Однако обилие ценностей, сосредоточенных в монастыре, особенно в ризнице, смущало кого-то из прибывших руководителей и направителей: вместо того чтобы перейти в трудовые (их) руки, ценности лежали мёртвым религиозным грузом. И тогда, в некотором противоречии с Уголовным кодексом, но в верном соответствии с общим духом экспроприации нетрудового имущества, монастырь был подожжён (25 мая 1923 года) – повреждены были постройки, исчезло много ценностей из ризницы, а главное – сгорели все книги учёта, и нельзя было определить, как много и что именно пропало³².

Не проводя даже никакого следствия, что подскажет нам революционное правосознание (нюх)? – кто может быть виноват в поджоге монастырского добра, если не чёрная монашеская свора? Так выбросить её на материк, а на Соловецких островах сосредоточить Северные Лагерь Особого Назначения! Восьмидесятилетние и даже столетние монахи умоляли с колен оставить их умереть на «святой земле», но с пролетарской непреклонностью вышибли их всех, кроме самых необходимых: артели рыбаков³³ да специалистов по скоту на Муксалме; да отца Мефо-

Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: К вопросу о веротерпимости. М.: Посредник, 1906, с. 78, 81.)

³² И на этот пожар тоже ссылался «антирелигиозная бацилла», объясняя, почему так трудно теперь вещественно найти прежние каменные мешки и пыточные приспособления.

³³ Их убрали с Соловков лишь около 1930 – и с тех пор прекратились уловы: никто больше не мог той селёдки в море

дия, засольщика капусты; да отца Самсона, литейщика; да других подобных полезных отцов. (Им отвели особый от лагеря уголок Кремля со своим выходом – Сельдяными воротами. Их назвали *трудоустройственной коммуной*, но в снисхождение к их полной одурманенности оставили им для молитв Онуфриевскую церковь на кладбище.)

Так сбылась одна из любимых пословиц, постоянно повторяемая арестантами: свято место пусто не бывает. Утих колокольный звон, погасли лампы и свечные столпы, не звучали больше литургии и всенощные, не бормотался круглосуточный псалтырь, порушились иконостасы (в Преображенском соборе оставили) – зато отважные чекисты в сверхдолгополых, до самых пят, шинелях, с особо отличительными соловецкими чёрными обшлагами и петлицами и чёрными околышами фуражек без звёзд, приехали в июне 1923 года созидать образцово-строгий лагерь, гордость рабоче-крестьянской Республики.

Концентрационные лагеря, хотя и классовые, к тому времени были признаны недостаточно строгими. Уже в 1921 году были основаны, в ведении ЧК, Северные Лагеря Особого Назначения – СЛОН. Первые такие лагеря возникли в Пертоминске, Холмогорах и близ самого Архангельска³⁴. Однако эти места были, видимо, признаны трудными для охраны, неперспективными для сгущения больших масс заключённых. И взоры начальства естественно были переведены по соседству на Соловецкие острова – с уже налаженным хозяйством, с каменными постройками, в двадцати-сорока километрах от материка, достаточно близко для тюремщиков, достаточно удалённо для беглецов, и полгода без связи с материком – крепче орешек, чем Сахалин.

Что значит *Особое Назначение*, ещё не было сформулировано и разработано в инструкциях. Но первому начальнику Соловецкого лагеря Ногтеву, разумеется, объяснили на Лубянке устно. А он, приехав на остров, объяснил своим близким помощникам.

* * *

Сейчас-то бывших эков да даже и просто людей 60-х годов рассказом о Соловках, может быть, и не удивишь. Но пусть читатель вообразит себя человеком чеховской и послечеховской России, человеком Серебряного Века нашей культуры, как называли 1910-е годы, *там* воспитанным, ну пусть потрясённым Гражданской войной, – но всё-таки привыкшим к принятым у людей пище, одежде, взаимному словесному обращению, – и вот тогда да вступит он в ворота Соловков – в Кемперпункт³⁵. Это – пересылка в Кеми, унылый, без деревца, без кустика, Попов остров, соединённый дамбой с материком. Первое, что вступивший видит в этом голом, грязном загоне – карантинную роту (заключённых тогда сводили в «роты», ещё не была открыта «бригада»), одетую... *в мешки!* – в обыкновенные мешки: ноги выходят вниз как из-под юбки, а для головы и рук делаются дырки (ведь и придумать нельзя, но чего не одолеет русская смекалка!). Этого-то мешка новичок избежит, пока у него есть своя одежда, но, ещё и мешков как следует не рассмотрев, он увидит легендарного ротмистра Курилку.

Курилко (или Белозёров ему на замену) выходит к этапной колонне тоже в длинной чекистской шинели с устрашающими чёрными обшлагами, которые дико выглядят на старом русском солдатском сукне – как предвещение смерти. Он вскакивает на бочку или другую подходящую подмость и обращается к прибывшим с неожиданной пронзительной яростью: «Э-э-эй! Внима-ни-е! Здесь республика не со-вец-ка-я, а соловец-ка-я! Усвойте! – нога проку-

---

найти, как будто она совсем исчезла.

³⁴ Соловецкие острова: Ежемесячный журнал – орган управления Соловецкими лагерями особого назначения ОГПУ. о. Соловки: УСЛОН, 1930, № 2–3, с. 55, из доклада в Кеми начальника УСЛОНа товарища Ногтева. – Когда теперь экскурсантам показывают в устье Двины так называемый «лагерь правительства Чайковского», надо знать, что это и есть один из первых чекистских «северных лагерей особого назначения».

³⁵ По-фински это место называется Вегеракша, то есть «жилище ведьм».

рора ещё не ступала на соловецкую землю! – и не ступит! Знайте! – вы присланы сюда не для исправления! Горбатого не исправишь! Порядочек будет у нас такой: скажу “встать” – встанешь, скажу “лечь” – ляжешь! Письма писать домой так: жив, здоров, всем доволен! точка!..»

Онемев от изумления, слушают именитые дворяне, столичные интеллигенты, священники, муллы да тёмные среднеазиаты – чего не слыхано и не видано, не читано никогда. А Курилко, не прогремевший в Гражданской войне, но сейчас, вот этим историческим приёмом вписывая своё имя в летопись всей России, ещё взводится, ещё взводится от каждого своего удачного выкрика и оборота, и ещё новые складываются и оттачиваются у него сами³⁶.

И, любуясь собой и заливаясь (а внутри, может быть, со злорадством: вы, штафирки, где прятались, пока мы воевали с большевиками? вы думали в щёлке отсидеться? так вытащены сюда! теперь получайте за свой говённый нейтралитет!), – Курилко начинает учение:

– Здравствуй, первая карантинная рота!.. – (Должны отрывисто крикнуть: «Здра!») – Плохо, ещё раз! Здравствуй, первая карантинная рота!.. Плохо!.. Вы должны крикнуть «здра!» – чтоб на Соловках, за проливом было слышно! Двести человек крикнут – стены падать должны!! Снова! Здравствуй, первая карантинная рота!

Проследя, чтобы все кричали и уже падали от крикового изнеможения, Курилко начинает следующее учение – бег карантинной роты вокруг столба:

– Ножки выше!.. Ножки выше!

Это и самому нелегко, он и сам уже – как трагический артист к пятому акту перед последним убийством. И уже падающим и упавшим, разостланным по земле, он последним хрипом получасового учения, исповедью сути соловецкой обещает:

– Сопли у мертвецов сосать заставлю!

И это – только первая тренировка, чтобы сломить волю прибывших. А в чёрнодеревянном гниющем смрадном бараке приказано будет им «спать на рёбрышке» – да это хорошо, это кого *отделённые* за взятку всунут – на нары. А остальные будут ночь *стоять* между нарами (а виновного ещё поставят между парашею и стеной, чтобы перед ним все оправлялись).

И это – благословенные допереломные докультовые до-искажённые до-нарушенные Тысяча Девятьсот Двадцать Третий, Тысяча Девятьсот Двадцать Пятый... (А с 1927 то дополнение, что на нарах уже будут урки лежать и в стоящих интеллигентов постреливать вшами с себя.)

В ожидании парохода «Глеб Бокий»³⁷ они ещё поработают на Кемской пересылке, и кого-то заставят бегать вокруг столба с постоянным криком: «Я филон, работать не хочу и другим мешаю!»; а инженера, упавшего с парашею и разлившего на себя, не пустят в барак, а оставят обледеневать в нечистотах. Потом крикнет конвой: «В партии отстающих нет! Конвой стреляет без предупреждения! Шагом марш!» И потом, клацая затворами: «На нервах играете?» – и зимой погонят по льду пешком, волоча за собой лодки, – переплывать через полыньи. А при подвижной воде погрузят в трюм парохода и столько втиснут, что до Соловков несколько человек непременно задохнутся, так и не увидав белоснежного монастыря в бурых стенах.

³⁶ История Курилки вызывает интерес. Возможно, когда-нибудь будут пытаться установить его личность. В революционные годы посылно было и принятие чужого чина и чужой фамилии. Но вот два следа, данные мне читателями, на всякий случай. Полковник Курилко командовал ещё до 1914 года 16-м Сибирским стрелковым полком; к концу войны был контуженный генерал с золотым оружием, Георгием и многими орденами. Сын его Игорь ещё кадетом 1-го Московского кадетского корпуса летом 1914 и 1915 ездил на фронт, воевал, награждён Георгиевской медалью, затем крестом; весной 1916 кончил ускоренный курс Александровского училища, прапорщик. Другой след: полковник Курилко был одним из возглавителей белогвардейской подпольной организации в Москве летом 1919. Она провалилась, были массовые расстрелы (до 7 000 человек?), но Иван Алексеев (отец моего корреспондента) и брат профессора И. Ильина, известные только Курилке, не были им выданы и не были тронуты.

³⁷ Названного в честь председателя московской Тройки ОГПУ, молодого недоучки: Он был студент, и был горняк, Зачёты же не шли никак. (Из «дружеской эпиграммы» в журнале «Соловецкие острова», 1929, № 1. Цензура глупая была и не понимала: что пропускает.)

В первые же соловецкие часы быть может испытает на себе новичок и соловецкую приёмную банную шутку: он разделся, первый банщик макает швабру в бочку зелёного мыла и шваброй мажет новичка; второй пинком сталкивает его куда-то вниз по наклонной доске или по лестнице; там, внизу, его, ошеломлённого, третий окатывает из ведра, и тут же четвёртый выталкивает в одевалку, куда его «барахло» уже сброшено сверху как попало. (В этой шутке предвиден весь ГУЛАГ! и темп его, и цена человека.)

Так глотает новичок соловецкого духа! – духа, ещё не известного в стране, но творимого на Соловках будущего духа Архипелага.

И здесь тоже новичок видит людей в мешках; и в обычной «вольной» одежде, у кого новой, у кого потрёпанной; и в особых соловецких коротких бушлатах из шинельного материала (это – привилегия, это признак высокого положения, так одевается лагерный адмсостав), с шапками-«соловчанками» из такого же сукна; и вдруг идёт среди арестантов человек... во фраке! – и не удивляет никого, никто не оборачивается и не смеётся. (Ведь каждый донашивает своё. Этого беднягу арестовали в ресторане «Метрополь», так он и мыкает свой срок во фраке.)

«Мечтой многих заключённых» называет журнал «Соловецкие острова» (1930 год, № 1) получение одежды стандартного типа³⁸. Только детколонию полностью одевают. А например женщинам не выдают ни белья, ни чулок, ни даже платка на голову – схватили сватью в летнем платье, так и ходи заполярную зиму. От этого многие заключённые сидят в ротных помещениях даже в одном белье, и на работу их не выгоняют.

Столь дорога казённая одежда, что никому на Соловках не кажется дивной или дикой такая сцена: среди зимы арестант раздевается и разувается близ Кремля, аккуратно сдаёт обмундирование и бежит голый двести метров до другой кучки людей, где его одевают. Это значит: его передают от кремлёвского управления управлению филимоновской железнодорожной ветки³⁹, – но если передать его в одежде, приёмщики могут не вернуть её или обмануть.

А вот и другая зимняя сцена – те же нравы, хотя иная причина. Лазарет санчасти признан антисанитарным, приказано срочно шпарить и мыть его кипятком. Но куда же больных? Все кремлёвские помещения переполнены, плотность населения Соловецкого архипелага больше, чем в Бельгии (а какая ж в соловецком Кремле?). Так всех больных выносят на одеялах на снег и кладут на три часа. Вымыли – затаскивают.

Мы же не забыли, что наш новичок – воспитанник Серебряного Века? Он ничего ещё не знает ни о Второй Мировой войне, ни о Бухенвальде. Он видит: отделённые в шинельных бушлатах с отменной выправкой приветствуют друг друга и ротных отдаванием воинской чести – и они же выгоняют своих рабочих длинными палками, дрынами (и даже глагол уже всем понятный: *дрыновать*). Он видит: сани и телегу тянут не лошади, а люди (по несколько в одной) – и тоже есть слово *вридло* (временно исполняющий должность лошади).

А от других соловчан он узнаёт и пострашней, чем видят его глаза. Произносят ему гибельное слово – *Секирка*. Это значит – Секирная гора. В двухэтажном соборе там устроены карцеры. Содержат в карцере так: от стены до стены укреплены жерди толщиной в руку, и велят наказанным арестантам весь день на этих жердях сидеть. (На ночь ложатся на полу, но друг на друга, переполнение.) Высота жерди такова, что ногами до земли не достаёшь. Не так легко сохранить равновесие, весь день только и силится арестант – как бы удержаться. Если же свалится – надзиратели подсакивают и бьют его. Либо: выводят наружу к лестнице в 365 крутых ступеней (от собора к озеру, монахи соорудили); привязывают человека по длине его к

³⁸ Все ценности с годами перепрокидываются – и то, что считается привилегией в лагере Особого Назначения 20-х годов – носить казённую одежду, то станет доукой в Особом лагере 40-х годов: там у нас привилегией будет *не* носить казённой, а хоть что-нибудь своё, хоть шапку. Тут не только экономическая причина, тут и волны эпохи: одно десятилетие видит в идеале, как бы пристать к Общему, другое – как бы от него отстать.

³⁹ Перетаскивали сюда рельсы с дороги Старая Русса – Новгород.

балану (бревну) для тяжести – и вдоль сталкивают (ступеньки настолько круты, что бревно с человеком на них не задерживается, и на двух маленьких площадках тоже).

Ну да за *жёрдочками* не на Секирку ходить, они есть и в кремлёвском, всегда переполненном, карцере. А то ставят на ребристый валун, на котором тоже не устоишь. А летом – «на пеньки», это значит – голого под комаров. Но тогда за наказанным надо следить; а если голого да к дереву привязывают – то комары справятся сами. А если голого зимой – так облить водой на морозе. Ещё – целые роты в снег кладут за провинность. Ещё – в приозёрную топь загоняют человека по горло и держат так. И вот ещё способ: запрягают лошадь в пустые оглобли, к оглоблям привязывают ноги виновного, на лошадь садится охранник и гонит её по лесной вырубке, пока стоны и крики сзади кончатся.

Новичок раздавлен духом, ещё и не начав соловецкой жизни, своих бесконечных трёх лет срока. Но поспешил бы современный читатель, если б вытянул палец: вот открытая система уничтожения, лагерь смерти! Э, нет, мы не так просты! В этой первой экспериментальной зоне, как и потом в других, как и в самой объемлющей из всех – в СССР, мы не открыто действуем – а наслоенно, смешанно – и потому так успешно, и потому так долго.

Вдруг въезжает через кремлёвские ворота какой-то лихой человек верхом на козле, держится со значением, и никто не смеётся над ним. Это кто же? почему на козле? Дегтярёв, он в прошлом объездчик (не путать с вольным Дегтярёвым, начальником войск Соловецкого архипелага), потребовал себе лошадь, но лошадей на Соловках мало, так дали ему козла. А за что ему честь? А он – заведующий Дендрологическим Питомником. Они выращивают экзотические деревья. Здесь, на Соловках.

Так с этого всадника на козле начинается соловецкая фантастика. Зачем же экзотические деревья на Соловках, где простое разумное овощное хозяйство монахов – и то уже загубили, и овощи при конце? А затем экзотические деревья при Полярном Круге, что и Соловки, как вся Советская Республика, преобразуют мир и строят новую жизнь. Но откуда семена, средства? Вот именно: на семена для дендрологического питомника деньги есть, нет лишь денег на питание рабочим лесоповала (питание идёт ещё не по нормам – по средствам).

А вот – археологические раскопки? Да, у нас работает Раскопная Комиссия. Нам важно знать своё прошлое.

Перед Управлением лагеря – клумба, и на ней выложен симпатичный слон, а на попоне его «У» – значит У-СЛОН – (Управление Соловецких Лагерьей Особого Назначения). И тот же ребус – на соловецких бонах, ходящих как деньги этого северного государства. Какой приятный домашний маскарад! Так всё очень мило здесь, Курилко-шутник нас только пугал?

Денежное обращение лагерей ГПУ имело устойчивое продолжение на многие годы. Особые денежные знаки помогали лучшей изоляции этих лагерей. По прибытии в лагерь даже все чины администрации и охраны, тем более заключённые, должны были сдать все имеющиеся у них советские деньги и получали взамен книжечки «расчётных квитанций» (на плотной бумаге, с водяным знаком) в достоинствах по 2, 5, 20, 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей, выпуски разных годов отличались подписями разных членов Коллегии ОГПУ – Г. Бокия, Л. Когана или М. Бермана. За укрытие в лагере государственных денег полагался расстрел. (Одна из целей такой строгости была – затруднить побег.) На территории всех лагерей ГПУ для всех расчётов применялись эти квитанции. При освобождении (если оно наступало...) владелец снова обменивал их на государственные деньги. После 1932 года, при резком росте лагерной системы, все эти квитанции были изъяты. (Сообщил М. М. Быков.)

И вот свой журнал – тоже «Слон» (с 1924, первые номера на машинке, с № 9 – печатается в монастырской типографии), с 1925 – «Соловецкие острова», 200 экз., и даже с приложением – газетой «Новые Соловки» (разорвём с проклятым монашеским прошлым!). С 1926 – подписка по всей стране и большой тираж, большой успех! Ведь в 20-е годы Соловков не таили, но

даже уши прожужжали ими. Соловками открыто играли, Соловками открыто гордились (имели смелость гордиться!), они поминались в советских песнях, над ними смеялись в эстрадных куплетах. Ведь классы исчезали (куда?), и Соловкам тоже был скоро конец.

И над журналом – верхоглядная какая-то цензура: заключённые (Глубоковский) пишут юмористические стишки о Тройке ГПУ – и проходит! И потом их поют с эстрады соловецкого театра прямо в лицо приехавшему Глебу Бокию:

Обещали подарков нам куль
Бокий, Фельдман, Васильев и Вуль... —

и начальству нравится! (Да ведь лестно! Ты курса не кончил – а тебя в историю лепят.)
И припев:

Всех, кто наградил нас Соловками, —
Просим: приезжайте сюда сами!
Посидите здесь годочков три иль пять —
Будете с восторгом вспоминать! —

хохочут! нравится! (Кто ж разгадает, что здесь – пророчество?..)

К 1927 журнал оборвался: режим поворачивал, не до этих шуток. Но ещё потом, в 1929, после крупных соловецких событий и общего поворота всех лагерей к перевоспитанию, журнал возобновился и выходил до 1932.

А обнаглевший Шипчинский вывешивает лозунг над входными воротами:

«Соловки – рабочим и крестьянам!»

(И тоже ведь пророчество! – но это не нравится, разгадали и сняли.)

На артистах драматической труппы – костюмы, сшитые из церковных риз. «Рельсы гудят». Фокстротирующие изломанные пары на сцене (гибнущий Запад) – и победная красная кузница, нарисованная на заднике (Мы).

Фантастический мир! Нет, шутил негодник Курилко!..

А ещё же есть Соловецкое Общество Краеведения, оно выпускает свои отчёты-исследования. О неповторенной архитектуре XVI века и о соловецкой фауне здесь пишут с такой обстоятельностью, преданностью науке, с такой кроткой любовью к предмету, будто это досужие чудаки-учёные притянулись на остров по научной страсти, а не арестанты, уже прошедшие Лубянку и дрожащие попасть на Секирную гору, под комаров или к оглоблям лошади. Да в тон с добродушными краеведами и сами звери и птицы соловецкие ещё не вымерли, не перестреляны, не изгнаны, даже не напуганы – ещё и в 28-м году зайцы доверчивым выводком выходят к самой обочине дороги и с любопытством следят, как ведут арестантов на Анзер.

Как же случилось, что зайцев не перестреляли? Объясняют новичку: зверюшки и птицы потому не боятся здесь, что есть приказ ГПУ: *«Патроны беречь! Ни одного выстрела иначе как по заключённому!»*

Итак, все страхи были шуткой. Но – «Разойдись! Разойдись!» – кричат среди бела дня на кремлёвском дворе, густом, как Невский, – трое молодых людей, хлыщеватых, с лицами наркоманов (передний не дрыном, но стеклом разгоняет толпу заключённых), быстро под руки волокут опавшего, с обмякшими ногами и руками человека в одном белье – страшно увидеть

его *стекающее* как жидкость лицо! – волокут *под колокольню*, вон туда под арку, в ту низенькую дверь, она – в основании колокольни. В эту маленькую дверь его втискивают и в затылок стреляют – там дальше крутые ступеньки вниз, он свалится, и даже можно семь-восемь человек набить, а потом присылают вытянуть трупы и наряжают женщин (матерей и жён ушедших в Константинополь; верующих, не уступивших веры и не давших оторвать от неё детей) – помыть ступени⁴⁰.

Что ж, нельзя было ночью, тихо? А зачем же тихо? – тогда и пуля пропадает зря. В дневной густоте пуля имеет воспитательное значение. Она сражает как бы десяток зараз.

Расстреливали и иначе – прямо на Онуфриевском кладбище, за женбараком (бывшим странноприимным домом для богомолок) – и та дорога мимо женбарака так и называлась *расстрельной*. Можно было видеть, как зимою по снегу там ведут человека босиком в одном белье (это не для пытки! это чтоб не пропала обувь и обмундирование) с руками, связанными проволокою за спиной⁴¹, – а осуждённый гордо, прямо держится и одними губами, без помощи рук, курит последнюю в жизни папиросу. (По этой манере узнают офицера. Тут ведь люди, прошедшие семь лет фронтов. Тут мальчишка 18-летний, сын историка В. А. Потто, на вопрос нарядчика о профессии пожимает плечами: «Пулемётчик». По юности лет и в жаре Гражданской войны он не успел приобрести другой.)

Фантастический мир! Это сходится так иногда. Много в истории повторяется, но бывают совсем неповторимые сочетания, короткие по времени и по месту. Таков наш НЭП. Таковы и ранние Соловки.

Очень малое число чекистов (да и то, может быть, полуштрафных), всего 20–40 человек приехали сюда, чтобы держать в повиновении тысячи, многие тысячи. Сперва ждали меньше, но Москва слала, слала, слала. За первые полгода, к декабрю 1923, уже собралось больше 2 000 заключённых. А в 1928 в одной только 13-й роте (роте общих работ) крайний в строю при расчёте отвечал: «376-й! Строй по десяти!» – значит, 3 760 человек, и такая ж крупная была 12-я рота, а ещё больше «17-я рота» – общие кладбищенские ямы. А кроме Кремля были уже командировки – Савватиево, Филимоново, Муксалма, Троицкая, «Зайчики» (Заяцкие острова). К 1928 было тысяч около шестидесяти. И сколько среди них «пулемётчиков», многолетних природных вояк? А с 1926 уже валили и матёрые уголовники всех сортов. И как же удержать их, чтоб они не восстали?

Только *ужасом*! Только Секиркой! жёрдочками! комарами! проволочкой по пням! дневными расстрелами! Москва гонит этапы, не считаясь с местными силами, – но Москва ж и не ограничивает своих чекистов никакими фальшивыми правилами: всё, что сделано для порядка, – то сделано, и ни один прокурор действительно никогда не ступит на соловецкую землю.

А второе – накидка газовая со стеклярусом, эра равенства – и Новые Соловки! Самоохрана заключённых! Самонаблюдение! Самоконтроль! Ротные, взводные, отделённые – все из своей среды. И самодеятельность, и саморазвлечение!

А под ужасом и под стеклярусом – какие люди? кто? Исконные аристократы. Кадровые военные. Философы. Учёные. Художники. Артисты. Лицеисты.

⁴⁰ А сейчас на камнях, где вот так волокли, в этом месте двора, укромном от соловецкого ветра, жизнерадостные туристы, приехавшие повидать пресловутый остров, часами *кикают* в волейбол. Они не знают. Ну а если б знали? Да так же бы и кикали. Впрочем, экскурсоводов, заикавшихся, что здесь был не только монастырь, но лагерь, – выгнали. И туристов стараются не пускать за пределы Большого Соловецкого острова: чтобы не видели ни Секирки, ни даже Троицкого скита (и сегодня много сохранилось тюремных решёток, в дверях – следы кормушек), ни Савватиевского. (В нём сохранился, например, подвальный карцер, где и в знойный день продрогаешь в минуту.)

⁴¹ Соловецкий приём, повторённый на катынских трупях. Кто-то вспомнил – традицию? или свой личный опыт?

Вот немногие соловчане, сохранённые памятью уцелевших: Ширин с кая-Шихматова, Шереметева, Шаховская, Фицтум, И. С. Дельвиг, Грабовский, Асатиани-Эристов, Гошерон-де-Лафосс, Сиверс, Г. М. Осоргин, Клодт, Н. Н. Бахрушин, Аксаков, Комаровский, П. М. Воейков, Вадбольский, Вонлярлярский, В. Левашов, О. В. Волков, В. Ло зи на-Лозинский, Д. Гудович, Таубе, В. С. Муромцев. Бывший кадетский лидер Некрасов. Финансист проф. Озеров. Юрист проф. А. В. Бородин. Психолог проф. А. П. Сухов. Философы проф. А. А. Мейер, проф. С. А. Аскольдов, Ю. Н. Данзас, теософ Мёбес. Историки Н. П. Анциферов, М. Д. Присёлков, Г. О. Гордон, А. И. Заозерский, П. Г. Васенко. Литературоведы Д. С. Лихачёв, Цейтлин, лингвист И. Е. Аничков, востоковед Н. В. Пигулевская. Орнитолог Г. Поляков. Художники Браз, П. Ф. Смотрицкий. Актёры И. Д. Калугин (Александринка), Б. Глубоковский. В. Ю. Короленко (племянник). В 30-е годы, уже при конце Соловков, здесь побывал и о. Павел Флоренский.

По воспитанию, по традициям – слишком горды, чтобы показать подавленность или страх, чтобы выть, чтобы жаловаться на судьбу даже друзьям. Признак хорошего тона – всё с улыбкой, даже идя на расстрел. Будто вся эта полярная ревушая морем тюрьма – небольшое недоразумение на пикнике. Шутить. Высмеивать тюремщиков.

Вот и слон на деньгах и на клумбе. Вот и козёл вместо коня. И если уж 7-я рота артиллерийская, то ротный у нее – Кунст. Если Берри-Ягода – то начальник ягодосушилки. Вот и шутки над простофилями, цензорами журнала. Вот и песенки. Ходит и посмеивается Георгий Михайлович Осоргин: «*Comment vous portez-vous (как поживаете)* на этом острове?» – «А лагёр ком а лагёр».

Вот эти шуточка, эта подчёркнутая независимость – аристократического духа – они-то больше всего и раздражают полузверьчих соловецких тюремщиков. Кроме духовенства, никому не разрешалось ходить в монастырскую последнюю церковь – Осоргин, пользуясь тем, что работал в санчасти, тайком пошёл на пасхальную заутреню. С пятнистым тифом отвезенному на Анзер епископу Петру Воронежскому отвёз мантию и Святые Дары. По доносу посажен в карцер и приговорён к расстрелу. И в этот самый день сошла на соловецкую пристань его молодая (он и сам моложе сорока) жена! И Осоргин просит тюремщиков: не омрачать жене свидания. Он обещает, что не даст ей задержаться более трёх дней, и как только она уедет – пусть его расстреляют. И вот что значит это самообладание, которое за анафемой аристократии забыли мы, скулящие от каждой мелкой беды и каждой мелкой боли: три дня непрерывно с женой – и не дать ей догадаться! Ни в одной фразе не намекнуть! не дать тону упасть! не дать омрачиться глазам! Лишь один раз (жена жива и вспоминает теперь), когда гуляли вдоль Святого озера, она обернулась и увидела, как муж взялся за голову с мукой. – «Что с тобой?» – «Ничего», – прояснился он тут же. Она могла ещё остаться – он упросил её уехать. Черта времени: убедил её взять тёплые вещи, он на следующую зиму получит в санчасти – ведь это драгоценность была, он отдал их семье. Когда пароход отходил от пристани – Осоргин опустил голову. Через десять минут он уже раздевался к расстрелу.

Но ведь кто-то же и подарил им эти три дня. Эти три осоргинских дня, как и другие случаи, показывают, насколько соловецкий режим ещё не стянулся панцирем *системы*. Такое впечатление, что воздух Соловков странно смешивал в себе уже крайнюю жестокость с почти ещё добродушным непониманием: к чему это всё идёт? какие соловецкие черты становятся зародышами великого Архипелага, а каким суждено на первом взросте и засохнуть? Всё-таки не было ещё у соловчан общего твёрдого такого убеждения, что вот зажжены печи полярного Освенцима и топки его открыты для всех, привезенных однажды сюда. (А ведь было-то так!..) Тут сбивало ещё, что сроки у всех были больно коротки: редко десять лет, и пять не так часто, а то всё три да три. Ещё не понималась эта кошачья игра закона: придавить и выпустить, придавить и выпустить. И это патриархальное непонимание – к чему всё идёт? – не могло остаться совсем без влияния и на охранников из заключённых, и может быть, слегка и на тюремщиков.

Как ни чётки были строки всюду выставленного, объявленного, нескрываемого классового учения о том, что только уничтожение есть заслуженный удел врага, – но этого уничтожения каждого конкретного двуногого человека, имеющего волосы, глаза, рот, шею, плечи, – всё-таки нельзя было себе представить. Можно было поверить, что уничтожаются классы, но *люди* из этих классов вроде должны были бы остаться?.. Перед глазами русских людей, выросших в других, великодушных и расплывчатых понятиях, как перед плохо подобранными очками, строки жестокого учения никак не прочитывались в точности. Недавно, кажется, прошли месяцы и годы открыто объявленного террора – а всё-таки нельзя было поверить!

Сюда, на первые острова Архипелага, передалась и неустойчивость тех пёстрых лет, середины 20-х годов, когда и по всей стране ещё плохо понималось: всё ли уже запрещено? или, напротив, только теперь-то и начнёт разрешаться? Ещё так верила Русь в восторженные фразы! – и только немногие сумрачные головы уже разочли и знали, когда и как это будет всё перешиблено.

Повреждены пожаром купола – а кладка вечная... Земля, возделанная на краю света, – и вот разоряемая. Изменчивый цвет безпокойного моря. Тихие озёра. Доверчивые животные. Безопасные люди. И к Бискайскому заливу улетают на зиму альбатросы со всеми тайнами первого острова Архипелага. Но не расскажут на беспечных пляжах, но никому в Европе не расскажут.

Фантастический мир... И одна из главных недолговечных фантазий: управляют лагерной жизнью отчасти – белогвардейцы! Так что Курилко был – не случаен.

Это вот как. Во всём Кремле – единственный вольный чекист: дежурный по лагерю. Каравулы у ворот (вышек нет), наблюдательные засады по островам и поимка беглецов – у охраны. В охрану кроме вольных набираются бытовые убийцы, фальшивомонетки, другие уголовники (но не воры). Но кому заниматься всей внутренней организацией, кому вести Адмчасть, кто будут ротные и отделённые? Не священники же, не сектанты, не нэпманы, не учёные да и не студенты (студентов не так мало здесь, а студенческая фуражка на голове соловчанина – это вызов, дерзость, заметка и заявка на расстрел). Это лучше всего смогли бы бывшие военные. А какие ж тут военные, если не белые офицеры? Так, без сговора и вряд ли по стройному замыслу, складывается соловецкое сотрудничество чекистов и белогвардейцев.

Где же принципиальность тех и других? Удивительно? Поразительно? – только тому удивительно, кто привык к анализу классово-социальному и не умеет иначе. Но тому аналитисту всё на свете удивительно, ибо никогда не вливаются мир и человек в его заранее подставленные желобочки.

А соловецкие тюремщики и чёрта возьмут на службу, раз не дают им красных штатов. Положено: заключённым самоконтролироваться (самоугнетаться). И кому ж тут лучше поручить?

А вечным офицерам, «военным косточкам» – ну как не взять организацию хоть и лагерной жизни (лагерного угнетения) в свои руки? Ну как подчиниться и смотреть, что кто-то возьмётся неумеючи и шалопутно? Что погоны делают с человеческим сердцем – мы уже в этой книге толковали. (Вот погодите, придёт время и красных командиров сажать – и как повалят в самоохрану, как за этой вертухайской винтовкой потянутся, лишь бы доверили!.. Я писал уже: а кликну Малюта Скуратов нас?..) Ну, и такое должно было быть у белогвардейцев: а-а, всё равно пропали, и всё пропало, так и море по колено! И ещё такое: «чем хуже, тем лучше», поможем вам обуютить такие зверские Соловки, каких в *нашей* России сроду не бывало, – пусть о вас слава дурная идёт. И такое: наши все согласились, а я что – поп, чтобы на склад бухгалтером?

И всё же главная соловецкая фантазия ещё не в том была, а: заняв Адмчасть Соловков, белогвардейцы стали – бороться с чекистами! Ваш-де лагерь – снаружи, а наш – внутри. И

кому где работать и кого куда отправить – это Адмчасти дело. Мы наружу не лезем, а вы не лезьте к нам.

Как бы не так! – именно внутри-то и должен быть лагерь весь прослоен стукачами Информационно-Следственной Части! Это была первая и грозная сила в лагере – ИСЧ. (И оперуполномоченные тоже были – из заключённых, вот венец *самонаблюдения*.) И с ней-то взялась бороться белогвардейская АЧ! Все другие части – Культурно-Воспитательная, Санитарная, которые столько будут значить в дальнейших лагерях, тут были хилы и жалки. Прозябала и Экономчасть во главе с Н. Френкелем – заведовала «торговлей» с внешним миром и несуществующей «промышленностью»; ещё не прометились пути её восхода. Две силы боролись – ИСЧ и АЧ. Это с Кемперпункта начиналось: к отделённому подошёл новоприбывший поэт Ал. Ярославский и зашептал ему на ухо. Отделённый, отчеканивая слова по-военному, рявкнул: «Был *тайным* – станешь *явным!*»

У Информационно-Следственной Части – Секирка, карцеры, доносы, личные дела заключённых, от них зависели и досрочные освобождения, и расстрелы, у них – цензура писем и посылок.

У Адмчасти – назначения на работу, перемещения по острову и этапы.

Адмчасть выявляла стукачей для отправки их на этап. Стукачей ловили, они убегали, прятались в помещении ИСЧ, их настигали и там, взламывали комнаты ИСЧ, выволакивали и тащили на этап⁴².

(Их отправляли на Кондостров, на лесозаготовки. Фантастичность продолжалась и там: разоблачённые и потерянные выпускали на Кондострове стенгазету «Стукач» и с печальным юмором «разоблачали» друг друга дальше – уже в «задроченности».)

Тогда ИСЧ заводила дела на старателей Адмчасти, увеличивала им срок, отправляла на Секирку. Но осложнялась её деятельность тем, что обнаруженный сексот по истолкованию тех лет (ст. 121 УК: «разглашение... должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению», – и независимо от того, по его ли намерению это разглашение произошло и насколько он «должностное») считался преступником, – и не могла уже ИСЧ защищать и выручать провалившихся стукачей. Попался – сам и виноват. Кондостров был почти узаконен.

Вершиной «военных действий» между ИСЧ и АЧ был случай в 1927, когда белогвардейцы ворвались в ИСЧ, взломали несгораемый шкаф, оттуда изъяли и огласили полные списки стукачей – отныне потерянных сотрудников! Затем с каждым годом Адмчасть слабела: бывших офицеров становилось всё меньше, а всё больше уголовников ставилось туда (например, «чубаровцы» – по нашумевшему ленинградскому процессу насильников). И постепенно была одолена⁴³.

Да с 30-х годов начиналась и новая лагерная эра, когда и Соловки уже стали не Соловки, а рядовой «исправительно-трудовой лагерь». Выходила чёрная звезда идеолога этой эры Нафталия Френкеля, и стала высшим законом Архипелага его формула:

«От заключённого нам надо взять всё в первые три месяца – а потом он нам не нужен!»

* * *

Да где ж те Савватий с Зосимой и Германом? Да кто ж это придумал – жить под Полярным Кругом, где скот не водится, рыба не ловится, хлеб и овощи не растут?

⁴² Интересно, как на заре Архипелага с того самого начинают, к чему вернёмся и мы в поздних Особых лагерях: с удара по стукачам.

⁴³ Ещё до 1972 года на чердаке Савватиевского скита лежала рукопись – дневник зэка 20-х годов (видимо, *полита* – потому что описывалось там, как кормят политов). На одной из первых страниц упоминалось покушение молодого белогвардейца на чекистского генерала. Дальше никто не прочёл: рукопись забрало КГБ.

О, мастера по разорению цветущей земли! Чтобы так быстро – за год, за два – привести образцовое монастырское хозяйство в полный и необратимый упадок! Как же это удалось? Грабили и вывозили? Или доконали всё на месте? И, тысячи имея незанятых рук, – ничего не уметь добыть из земли.

Только вольным – молоко, сметана, да свежее мясо, да отменная капуста отца Мефодия. А заключённым – гнилая треска, солёная или сушёная; худая баланда с перловой или пшённой крупой без картошки, никогда ни щей, ни борщей. И вот – цынга, и даже «канцелярские роты» в нарывах, а уж *общие*... С дальних командировок возвращаются «этапы на карачках» (так и ползут от пристани на четырёх ногах).

Из денежных (из дому) переводов можно использовать в месяц 9 рублей – есть ларёк в часовне Германа. А посылка – в месяц одна, её вскрывает ИСЧ, и, если не дашь им взятки, объявят, что многое из присланного тебе не положено, например крупа. В Никольской церкви и в Успенском соборе растут нары – до четырёхэтажных. Не просторней живёт 13-я рота у Преображенского собора в примыкающем корпусе. Вот у этого входа представьте стиснутую толпу: три с половиной тысячи валят к себе, возвращаясь с работы. В кубовую за кипятком – очереди по часу. По субботам вечерние проверки затягиваются глубоко в ночь (как прежние богослужения...). За санитарией, конечно, очень следят: насильственно стригут волосы и обривают бороды (также и всем священникам сряду). Ещё – обрезают полы у длинной одежды (особенно у ряс), ибо в них-то главная зараза. (У чекистов – шинели до земли.) Правда, зимою никак не выбраться в баню с ротных нар тем больным и старым, кто сидит в белье и в мешках, вши их одолевают. (Мёртвых прячут под нары, чтобы получить на них лишнюю пайку, – хотя это и невыгодно живым: с холодеющего трупа вши переползают на тёплых, оставшихся.) В Кремле есть плохая санчасть с плохой больницей, а в глуби Соловков – никакой медицины.

Исключение только – Голгофско-Распятский скит на Анзере, штрафная командировка, где лечат... убийством. Там, в Голгофской церкви, лежат и умирают от безкормицы, от жестокостей – и ослабевшие священники, и сифилитики, и престарелые инвалиды, и молодые урки. По просьбе умирающих и чтоб облегчить свою задачу, тамошний голгофский врач даёт безнадежным стрихнин, зимой бородатые трупы в одном белье подолгу задерживаются в церкви. Потом их ставят в притворе, прислоня к стене, – так они меньше занимают места. А вынеся наружу – сталкивают вниз с Голгофской горы.

Необычно название горы и скита, оно не встречается нигде больше. По преданию (рукопись XVIII века, Государственная Публичная библиотека, Соловецкий патерик), 18 июня 1712 иеромонаху Иову под этою горой во время ночного молитвенного бдения явилась Богоматерь «в небесной славе» и сказала: «Сия гора отселе будет называться Голгофою, и на ней устроится церковь и Распятский скит. И убелится она страданиями неисчислимыми». Так назвали и построили так, но более двухсот лет предсказание казалось холостым, не предвиделось ему оправдаться. После Соловецкого лагеря этого уже не скажешь.

В 1975, кто был, рассказывают: храм разрушен (ещё в 60-е годы стоял), но стены сохранились, и кое-где видны росписи.

Как-то вспыхнула в Кеми эпидемия тифа (1928), и 60 % вымерло там, но перекинулся тиф и на Большой Соловецкий остров, здесь в нетопленном «театральном» зале валялись сотни тифозных одновременно. И сотни ушли на кладбище. (Чтоб не спутать учёт, писали нарядчики фамилию каждому на руке – и выздоравливающие менялись сроками с мертвецами-краткосрочниками, переписывали на свою руку.) А в 1929, когда многими тысячами пригнали «басмачей», то есть среднеазиатов, не принимающих советской власти, – они привезли с собой такую эпидемию, что чёрные бляшки образовывались на теле и неизбежно человек умирал. То не могла быть чума или оспа, как предполагали соловчане, потому что те две болезни уже полностью были побеждены в Советской Республике, – а назвали болезнь «азиатским тифом».

Лечить её не умели, искореняли же так: если в камере один заболел, то всех запирали, не выпускали и лишь пищу им туда подавали – пока не вымирали все.

Какой бы научный интерес был нам установить, что Архипелаг ещё не понял себя в Соловках, что дитя ещё не угадывало своего норова! И потом бы проследить, как постепенно этот норов проявлялся. Увы, не так! Хотя не у кого было учиться, хотя не с кого брать пример, и такой наследственности не было, – но Архипелаг быстро узнал и проявил свой будущий характер.

Так многое из будущего опыта уже было найдено на Соловках! Уже был термин «вытащить с общих работ». Все спали на нарах, а кто-то уже и на топчанах; целые роты в храме, а кто – по двадцать человек в комнате, а кто-то и по четыре, по пять. Уже кто-то знал своё право: оглядеть новый женский этап и выбрать себе женщину (на тысячи мужчин их было сотни полторы-две, потом больше). Уже была и борьба за тёплые места ухватками подбострастия и предательства. Уже снимали *контриков* с канцелярских должностей – и опять возвращали, потому что уголовники только путали. Уже сгущался лагерный воздух от постоянных зловещих слухов. Уже становилось высшим правилом поведения: никому не доверяй! (Это вытесняло и вымораживало прекраснотушие Серебряного Века.)

Тоже и вольные стали входить в сладость лагерной обстановки, раскушивать её. Вольные семьи получали право на даровых кухарок от лагеря, всегда могли затребовать в дом дровокола, прачку, портниху, парикмахера. Эйхманс выстроил себе приполярную виллу. Широко размахнулся и Потёмкин – бывший драгунский вахмистр, потом коммунист, чекист и вот начальник Кемперпункта. В Кеми он открыл ресторан, оркестранты его были консерваторцы, официантки – в шёлковых платьях. Приезжие товарищи из Главного Управления Лагерей, из карточной Москвы, могли здесь роскошно пировать в начале 30-х годов, к столу подавала им княгиня Шаховская, а счёт подавался условный, копеек на тридцать, остальное за счёт лагеря.

Да соловецкий Кремль – это ж ещё и не все Соловки, это ещё самое льготное место. Подлинные Соловки – даже не по скитам (где после увезенных социалистов учредились рабочие командировки), а – на лесоразработках, на дальних промыслах. Но именно о тех дальних глухих местах сейчас труднее всего что-нибудь узнать, потому что именно те-то люди и не сохранились. Известно, что уже тогда осенью не давали просушиваться; зимой по глубоким снегам не одевали, не обували; а долгота рабочего дня определялась уроком – кончался день рабочий тогда, когда выполнен урок, а если не выполнен, то и не было возврата под крышу. И тогда уже «открывали» новые командировки тем, что по несколько сот человек посылали в никак не подготовленные необитаемые места.

Но кажется, первые годы Соловков и рабочий гон, и задание надрывных уроков вспыхивали порывами, в переходящей злости, они ещё не стали стискивающей системой, на них ещё не оперлась экономика страны, не утвердились пятилетки. Первые годы у СЛОНа, видимо, не было твёрдого внешнего хозяйственного плана, да и не очень учитывалось, как много человеко-дней уходит на работы по самому лагерю. Потому с такой лёгкостью вдруг могли сменить осмысленные хозяйственные работы на наказания: переливать воду из проруби в прорубь, перетаскивать брёвна с одного места на другое и назад. В этом была жестокость, да, но и патриархальность. Когда же рабочий гон становится продуманной системой, тогда обливание водой на морозе и выставление на пеньки под комаров оказывается уже избыточным, лишней тратой палаческих сил.

Есть такая официальная цифра: до 1929 года по РСФСР было «охвачено» трудом лишь от 34 до 41 % всех заключённых⁴⁴ (да иначе и не могло быть при безработице в стране). Правда, это только «внешний» труд, сюда не входит хозяйственный труд по обслуживанию самого лагеря. Но для оставшихся 60–65 % заключённых не хватит и хозяйственного. Соотношение

⁴⁴ От тюрем к воспитательным учреждениям, с. 115.

это не могло не проявиться также и на Соловках. Определённо, что все 20-е годы там было немало заключённых, не получивших никакой постоянной работы (отчасти из-за раздетости) или занявших весьма условную должность.

Тот первый год той первой пятилетки, потрянувший всю страну, потрянул и Соловки. Повторно назначенный начальник УСЛОНа Ногтев (тот самый, который расстреливал социалистов в Савватиевском скиту) под «шёпот удивления в изумлённом зале» докладывал *вольняшкам* города Кеми такие цифры: «не считая собственных лесоразработок УСЛОНа, растущих совершенно исключительными темпами», УСЛОН только по «внешним» заказам ЖелЛеса и КарелЛеса заготовлял: в 1926 – на 63 тыс. рублей, в 1929 – на 2 млн 355 тыс. (в 37 раз!), в 1930 ещё втрое. Дорожное строительство по Карело-Мурманскому краю в 1926 выполнено на 105 тыс. рублей, в 1930 – на 6 млн – в 57 раз больше!⁴⁵

Так оканчивались прежние глухие Соловки, где не знали, как известить заключённых. *Труд-чародей* приходил на помощь!

Через Кемперпункт Соловки создались, через Кемперпункт же они, пройдя созревание, стали с конца 20-х годов распространяться назад, на материк. И самое тяжёлое, что могло выпасть теперь заключённому, были эти материковые командировки. Раньше Соловки имели на материке только Сороку да Сумский посад – прибрежные монастырские владения. Теперь раздувшийся СЛОИ забыл монастырские границы.

От Кеми на запад по болотам заключённые стали прокладывать грунтовый Кемь-Ухтинский тракт, «считавшийся когда-то почти неосуществимым»⁴⁶. Летом тонули, зимой коченели. Этого тракта соловчане боялись панически, и долго рокотала над кремлёвским двором угроза: «Что?? *На Ухту* захотел?»

Второй подобный тракт повели Парандовский (от Медвежьегорска). На этой прокладке чекист Гашидзе приказывал закладывать в скалу взрывчатку, на скалу посылал *каэров* и в бинокль смотрел, как они взрываются.

Рассказывают, что в декабре 1928 на Красной Горке (Карелия) заключённых в наказание (не выполнен урок) оставили ночевать в лесу – и 150 человек замёрзли насмерть. Это – обычный соловецкий приём, тут не усумнишься.

Труднее поверить другому рассказу: что на Кемь-Ухтинском тракте близ местечка Кут в феврале 1929 роту заключённых около ста человек *за невыполнение нормы загнали на костёр – и они сгорели!*

Об этом мне рассказал всего один только человек, близко бывший: профессор Дмитрий Павлович Каллистов, старый соловчанин, умерший недавно. Да, пересекающихся показаний я об этом не собрал (как, может, и никто уже не соберёт – и о многом не соберут, даже и по одному показанию). Но те, кто морозят людей и взрывают людей, – почему не могут их сжечь? Потому что здесь труднее техника?

Предпочитающие верить не людям живым, а типографским буквам пусть прочтут о прокладке дороги тем же УСЛОНОм, такими же зэками в том же году, только на Кольском полуострове:

«С большими трудностями провели грунтовую дорогу по долине реки Белой, по берегу озера Вудъярв до горы Кукисвумчорр (Апатиты) на протяжении 27 километров, устилая болота... – чем, вы думаете, *устилая?* так и просится само на язык, правда? но не на бумагу... – ...брёвнами и песчаными насыпями, выравнивая капризные рельефы осыпающихся склонов каменистых гор». Затем УСЛОИ построил там и железную дорогу – «11 километров за один зимний месяц... – (а почему за месяц? а почему до лета нельзя было отложить?) – ...Задание казалось невыполнимым. 300 000 кубов земляных работ – (за Полярным Кругом! зимой! – то

⁴⁵ Соловецкие острова, 1930, № 2–3, с. 56, 57.

⁴⁶ Там же, с. 57.

разве земля? то хуже всякого гранита!) – должны были быть выполнены исключительно ручной силой – киркой, ломом и лопатой. – (А рукавицы хоть были?..) – Многочисленные мосты задерживали развитие работ. Круглые сутки в три смены, прорезая полярную ночь светом керосиново-калильных фонарей, прорубая просеки в ельниках, выкорчёвывая пни, в мятели, заносащие дорогу снегом выше человеческого роста...»⁴⁷

Перечитайте. Теперь зажмурьтесь. Теперь представьте: вы, беспомощный горожанин, воздыхатель по Чехову, – в этот ад ледяной! вы, туркмен в тюбетейке, – в эту ночную мятель! И корчуйте пни!

Это было в лучшие светлые Двадцатые годы, ещё до всякого «культы личности», когда белая, жёлтая, чёрная и коричневая расы Земли смотрели на нашу страну как на светоч свободы⁴⁸. Это было в те годы, когда с эстрад напевали забавные песенки о Соловках.

* * *

Так незаметно – рабочими заданиями – распался прежний замысел замкнутого на островах лагеря Особого Назначения. Архипелаг, родившийся и созревший на Соловках, начал своё злокачественное движение по стране.

Возникла проблема: расстелить перед ним территорию этой страны – и не дать её завоевать, не дать увлечь, усвоить, уподобить себе. Каждый островок и каждую релку Архипелага окружить враждебностью советского волнобоя. Дано было мирам переслоиться – не дано смешаться!

И этот ногтевский доклад под «шёпот удивления» – он ведь для резолюции выговаривался, для резолюции трудящихся Кеми (а там – в газетки! а там по посёлкам развешивать):

«Усиливающаяся классовая борьба внутри СССР... и возросшая как никогда опасность войны⁴⁹... требует от органов ОГПУ и УСЛОН ещё большей сплочённости с трудящимися, бдительности. Путём организации общественного мнения... повести борьбу с... якшанием вольных с заключёнными, укрывательством беглецов, покупкой краденых и казённых вещей от заключённых... и со всевозможными злостными слухами, распространяемыми про УСЛОН классовыми врагами».

И какие ж это «злостные слухи»? Что в лагере – люди сидят и ни за что. И как их там добивают.

Ещё потом пункт: «...долг каждого своевременно *ставить* в известность...»⁵⁰

Мерзкие вольняшки! Они дружат с зэками, они укрывают беглецов. Это – страшная опасность. Если этого не пресечь – не будет никакого Архипелага. И страна пропала. И революция пропала.

И распускаются против «злостных» слухов – честные прогрессивные *слухи*: что в лагерях – убийцы и насильники, что каждый беглец – опасный бандит! Запирайтесь, бойтесь, спасайте своих детей! Ловите, доносите, помогите работе ОГПУ! А кто не помог – о том *ставьте в известность!*

Теперь, с расползанием Архипелага, побегии множились: обречённость лесных и дорожных командировок – и всё же цельный материк под ногами беглеца, всё-таки надежда. Однако бегляцкая мысль будоражила соловчан и тогда, когда СЛОН ещё был замкнутым островом. Легковерные ждали конца своего трёхлетнего срока, провидчивые уже понимали, что ни через три, ни через двадцать три года не видать им свободы. И значит, свобода – только в побеге.

⁴⁷ Г. Фридман. Сказочная быль // Соловецкие острова, 1930, № 4, с. 43, 44.

⁴⁸ О, Бертран Рассел! О, Хьюлет Джонсон! О, где была ваша пламенеющая совесть *тогда?*

⁴⁹ Всегда у нас *как никогда*, слабее не бывает.

⁵⁰ Соловецкие острова, 1930, № 2–3, с. 60.

Но как убежать с Соловков? Полгода море подо льдом – да не цельным, местами промоины, и крутят мятели, грызут морозы, висят туманы и тьма. А весной и большую часть лета – белые ночи, далеко видно дежурным катерам. Только с удлинением ночей, поздним летом и осенью, наступает удобное время. Не в Кремле конечно, а на командировках, кто имел и передвижение и время, где-нибудь в лесу близ берега строили лодку или плот и отваливали ночью (а то и просто на бревне верхом) – наугад, больше всего надеясь встретить иностранный пароход. По суете охранников, по отплытию катеров о побеге узнавалось на острове – и радостная тревога охватывала соловчан, будто они сами бежали. Шёпотом спрашивали: ещё не поймали? ещё не нашли?.. Должно быть, тонули многие, никуда не добравшись. Кто-то, может быть, достиг карельского берега – так тот скрывался глуше мёртвого.

А знаменитый побег в Англию произошёл из Кеми. Этот смельчак (его фамилия нам не известна, вот кругозор!) знал английский язык и скрывал это. Ему удалось попасть на погрузку лесовоза в Кеми – и он объяснился с англичанами. Конвоиры обнаружили нехватку, задержали пароход почти на неделю, несколько раз обыскивали его – а беглеца не нашли. (Оказывается: при всяком обыске, идущем с берега, его по другому борту спускали якорной цепью под воду с дыхательной трубкой в зубах.) Платилась огромная неустойка за задержку парохода – и решили на авось, что арестант утонул, отпустили пароход.

А ещё по морю бежала группа Бессонова, пять человек (Мальсагов, Мальбродский, Сазонов, Приблудин).

И стали в Англии выходить книги, даже, кажется, не по одному изданию. (Юр. Дм. Бессонов. «Мои 26 тюрем и моё бегство с Соловков».)⁵¹

Эта книга изумила Европу. И конечно, автора-беглеца упрекнули в преувеличениях, да просто должны были друзья Нового Общества совсем не поверить этой клеветнической книге, потому что она противоречила уже известному: как описывала рай на Соловках немецкая коммунистическая газета «Роте Фане» (надеемся, что её корреспондент и сам потом побывал на Архипелаге) и тем альбомам о Соловках, которые распространяли советские полпредства в Европе: отличная бумага, достоверные снимки уютных келий. (Надежда Суровцева, наша коммунистка в Австрии, получила такой альбом от венского полпредства и с возмущением опровергала ходящую в Европе клевету. К этому времени сестра её будущего мужа уже отсидела на Соловках, а самой ей предстояло через два года гулять «гуськом» в Ярославском изоляторе.)

Клевета-то клеветой, но досадный получился прорыв! И комиссия ВЦИК под председательством «совести партии» товарища Сольца поехала узнать, что там делается, на этих Соловках (они же ничего не знали!..). Но впрочем, проехала та комиссия только по Мурманской железной дороге, да и там ничего особого не увидела. А на остров сочтено было благом послать – нет, просить поехать! – как раз недавно вернувшегося в пролетарское отечество великого пролетарского писателя Максима Горького. Уж его-то свидетельство будет лучшим опровержением той гнусной зарубежной фальшивки!

Опережающий слух донёсся до Соловков – заколотились арестантские сердца, засуетились охранники. Надо знать заключённых, чтобы представить их ожидание! В гнездо безправия, произвола и молчания прорывается сокол и буреветник! первый русский писатель! вот он им пропишет! вот он им покажет! вот, батюшка, защитит! Ожидали Горького почти как всеобщую амнистию.

Волновалось и начальство: как могло, прятало уродство и лощило показуху. Из Кремля на дальние командировки отправляли этапы, чтобы здесь оставалось поменьше; из санчасти списали многих больных и навели чистоту. И натыкали «бульвар» из ёлок без корней (несколько дней они должны были не засохнуть) – к детколонию, открытой три месяца назад, гордости УСЛОНа, где все одеты, и нет социально-чуждых детей, и где, конечно, Горькому

⁵¹ И их вы тоже не читали, сэр Бертран Рассел?..

интересно будет посмотреть, как малолетних воспитывают и спасают для будущей жизни при социализме.

Недоглядели только в Кеми: на Поповом острове грузили «Глеба Бокия» заключённые в белье и в мешках – и вдруг появилась свита Горького садиться на тот пароход. Изобретатели и мыслители! Вот вам достойная задача: голый остров, ни кустика, ни укрытия – и в трёхстах шагах показалась свита Горького, – ваше решение?! Куда девать этот срам, этих мужчин в мешках? Вся поездка Гуманиста потеряет смысл, если он сейчас увидит их. Ну, конечно, он постарается их не заметить, – но помогите же! Утопить их в море? – будут барахтаться... Закопать в землю? – не успеем... Нет, только достойный сын Архипелага может найти выход! Командует нарядчик: «Брось работу! Сдвинься! Ещё плотней! Сесть на землю! Так сидеть!» – и накинули поверху брезентом. – «Кто пошевелится – убью!» И бывший грузчик взошёл по трапу, и ещё с парохода смотрел на пейзаж, ещё час до отплытия – не заметил...

Это было 20 июня 1929 года. Знаменитый писатель сошёл на пристань в Бухте Благоденствия. Рядом с ним была его невестка, вся в коже (чёрная кожаная фуражка, кожаная куртка, кожаные галифе и высокие узкие сапоги), – живой символ ОГПУ плечо о плечо с русской литературой.

В окружении комсостава ГПУ Горький прошёл быстрыми длинными шагами по коридорам нескольких общежитий. Все двери комнат были распахнуты, но он в них почти не заходил. В санчасти ему выстроили в две шеренги в свежих халатах врачей и сестёр, он и смотреть не стал, ушёл. Дальше чекисты УСЛОНа безстрашно повезли его на Секирку. И что ж? – в камерах не оказалось людского переполнения и, главное, – жёрдочек никаких! На скамьях сидели воры (уже их много было на Соловках) и все... читали газеты! Никто из них не смел встать и пожаловаться, но придумали они: держать газеты вверх ногами. И Горький подошёл к одному и молча обернул газету как надо. Заметил! Догадался! Так не покинет! Защитит!⁵²

Поехали в детколонию. Как культурно! – каждый на отдельном топчане, на матрасе. Все жмутся, все довольны. И вдруг 14-летний мальчишка сказал: «Слушай, Горький! Всё, что ты видишь, – это неправда. А хочешь правду знать? Рассказать?» Да, кивнул писатель. Да, он хочет знать правду. (Ах, мальчишка, зачем ты портишь только-только настроившееся благополучие литературного патриарха? Дворец в Москве, имение в Подмосковьи...) И велено было выйти всем, – и детям, и даже сопровождающим гепеушникам, – и мальчик полтора часа всё рассказывал долговязому старику. Горький вышел из барака, заливаясь слезами. Ему подали коляску ехать обедать на дачу к начальнику лагеря. А ребята хлынули в барак: «О комариках сказал?» – «Сказал!» – «О жёрдочках сказал?» – «Сказал!» – «О вридлах сказал?» – «Сказал!» – «А как с лестницы спихивают?.. А про мешки?.. А ночёвки в снегу?..» Всё-всё-всё сказал правдолюбец мальчишка!!!

Но даже имени его мы не знаем.

22 июня, уже после разговора с мальчиком, Горький оставил такую запись в «Книге отзывов», специально сшитой для этого случая:

«Я не в состоянии выразить мои впечатления в нескольких словах. Не хочется да и стыдно (!) было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют, вместе с этим, быть замечательно смелыми творцами культуры»⁵³.

⁵² Гепеушница, спутница Горького, тоже упражнясь пером, записала так: «Знакомимся с жизнью Соловецкого лагеря. Я иду в музей... Все едем на "Секир-гору". Оттуда открывается изумительный вид на озеро. Вода в озере холодного тёмного цвета, вокруг озера – лес, он кажется заколдованным, меняется освещение, вспыхивают верхушки сосен, и зеркальное озеро становится огненным. Тишина и удивительно красиво. На обратном пути проезжаем торфоразработки. Вечером слушали концерт. Угощали нас местной соловецкой селёдкой, она небольшая, но поразительно нежная и вкусная, тает во рту». (М. Горький и сын: Письма. Воспоминания. М.: Наука, 1971, с. 276. (Архив А. М. Горького. Т. 13.))

⁵³ Соловецкие острова, 1929, № 1, с. 3. (В собрании сочинений Горького этой записи нет.)

23-го Горький отплыл. Едва отошёл его пароход – мальчика расстреляли. (Сердцевед! знаток людей! – как мог он не забрать мальчика с собою?!)

Так утверждается в новом поколении вера в справедливость.

Толкуют, что там, наверху, глава литературы отнекивался, не хотел публиковать похвал УСЛОНу. Но как же так, Алексей Максимович?.. Но перед буржуазной Европой! Но *именно сейчас, именно в этот момент*, такой опасный и сложный!.. А режим? – мы сменим, мы сменим режим.

И напечаталось, и перепечаталось в большой вольной прессе, нашей и западной, от имени Сокола-Буревестника, что зря Соловками пугают, что живут здесь заключённые замечательно и исправляются замечательно.

И, в гроб сходя, благословил

Архипелаг...

Жалкое поведение Горького после возвращения из Италии и до смерти я приписывал его заблуждениям и неуму. Но недавно опубликованная переписка 20-х годов даёт толчок объяснить это ниже того: корыстью. Оказавшись в Сорренто, Горький с удивлением не обнаружил вокруг себя мировой славы, а затем – и денег (был же у него целый двор obsługi). Стало ясно, что за деньгами и оживлением славы надо возвращаться в Союз и принять все условия. Тут стал он добровольным пленником Ягоды. И Сталин убивал его зря, из перестраховки: он воспел бы и 37-й год.

А насчёт режима – это уж как обещано. Режим *исправили* – в 11-й карцерной роте теперь *неделями стояли вплотную*. На Соловки поехала комиссия, уже не Сольца, а следственно-карательная. Она разобралась и поняла (с помощью местной ИСЧ), что все жестокости соловецкого режима – от белогвардейцев (Адмчасть), и вообще аристократов, и отчасти от студентов (ну, тех самых, которые ещё с прошлого века поджигали Санкт-Петербург). Тут ещё неудавшийся вздорный побег сошедшего с ума Кожевникова (бывшего министра Да льне-Вос точ ной Республики) с Шипчинским – побег раздули в большой фантастический заговор белогвардейцев, будто бы собиравшихся захватить пароход и уплыть, – и стали хватать, и хотя никто в том заговоре не признался, но дело обрастало арестами.

И в ночь на 29 октября 1929 года, всех разогнав и заперев по помещениям, – Святые ворота, обычно запертые, открыли для краткости пути на кладбище. Водили партиями всю ночь. (И каждую партию сопровождала отчаянным воем где-то привязанная собака Блэк, подзревая, что именно в этой ведут её хозяина Грабовского. По вою собаки считали в ротах партии, выстрелы за сильным ветром были слышны хуже. Этот вой так подействовал на палачей, что на следующий день был застрелен и Блэк, и все собаки за Блэка.)

Расстреливали те три морфиниста-хлыща, начальник Охраны Дегтярёв и... начальник Культурно-Воспитательной Части Успенский. (Сочетание это удивительно лишь поверхностному взгляду. Этот Успенский имел биографию что называется типическую, то есть не самую распространённую, но сгущающую суть эпохи. Он родился сыном священника – и так застала его революция. Что ожидало его? Анкеты, ограничения, ссылки, преследования. И ведь никак не сотрёшь, никак себе не изменишь отца. Нет, можно, придумал Успенский: он *убил своего отца* и объявил властям, что сделал это из классовой ненависти! Здоровое чувство, это уже почти и не убийство! Ему дали лёгкий срок – и сразу пошёл он в лагере по культурно-воспитательной линии, и быстро освободился, и вот уже мы застаём его вольным начальником КВЧ Соловков. А на этот расстрел – сам ли он напросился или предложили ему подтвердить свою классовую позицию – неизвестно. К концу той ночи видели его, как он над раковиной, поднимая ноги, поочерёдно мыл голенища, залитые кровью.

Стреляли они пьяные, неточно – и утром большая присыпанная яма ещё шевелилась.

Весь октябрь и ещё ноябрь привозили на расстрел дополнительные партии с материка. (В какой-то из приёмов был расстрелян и Курилко.)

Всё это кладбище некоторое время спустя было сровнено заключёнными под музыку оркестра⁵⁴.

После тех расстрелов сменился начальник СЛОНа: вместо Эйхманса и Ногтева – Зарин, и считается, что установилась эра новой соловецкой законности.

Впрочем, вот какова она была. Летом 1930 привезли на Соловки несколько десятков «истинно-православных», их называли «сектантами»: в местных осколках, под разными названиями, в стране существовали многие православные общины, усвоившие тихоновское воззвание 1918 года – анафему советской власти, и потом уже, несмотря на поворот в центре, не сошедшие с этого отрицания. Эти привезенные («имяславцы») отрекались ото всего, что идёт от антихриста: не получали никаких советских документов, ни в чём не расписывались этой власти и не брали в руки её денег. Во главе этой пригнанной теперь группы состоял седобородый старик восьмидесяти лет, слепой и с долгим посохом. Каждому просвещённому человеку было ясно, что этим фанатикам никак не войти в социализм, потому что для того надо много и много иметь дела с бумажками, – и лучше всего поэтому им бы умереть. И их послали на Малый Заяцкий остров – самый малый в Соловецком архипелаге – песчаный, безлесный, пустынный, с летней избушкой прежних монахов-рыбаков. И выразили расположение дать им двухмесячный паёк – но при условии, чтобы за него расписался в ведомости обязательно *каждый*. Разумеется, они отреклись все. Тут вмешалась неугомонная Анна Скрипникова, уже к тому времени, несмотря на свою молодость и молодость советской власти, арестованная четвёртый раз. Она металась между бухгалтерией, нарядчиками и самим начальником лагеря, осуществлявшим гуманный режим. Она просила сперва сжалиться, потом – послать и её с «сектантами» на Заяцкие острова счетоводом, обещаясь выдавать им пищу на день и вести всю отчётность. Кажется, это никак не противоречило лагерной системе! – а отказали. «Но кормят же сумасшедших, не требуя от них расписок!» – кричала Анна. Зарин только рассмеялся. А нарядчица ответила: «Может быть, это установка Москвы – мы же не знаем...» (И это конечно было указание из Москвы! – кто ж бы иначе взял ответственность? Хорошо было задумано безбожниками, как этим верующим умереть, но нельзя было осуществить такого плана в густоте среднерусской полосы, вот их и привезли сюда.) *И их отправили без пищи*. Через два месяца (ровно через два, потому что надо было предложить им расписаться на следующие два месяца) приплыли на Малый Заяцкий и нашли только трупы расклёванные. Все на месте, никто не бежал.

И кто теперь будет искать виновных? – в 60-х годах нашего великого века?

Впрочем, и Зарин был скоро снят – за либерализм. (И кажется – 10 лет получил.)

* * *

С конца 20-х годов менялся облик Соловецкого лагеря. Из немой западни для обречённых каэров он всё больше превращался в новый тогда, а теперь старый для нас вид общебытового «исправительно-трудового» лагеря. Быстро увеличивалось в стране число «особо-опасных из числа трудящихся» – и гнали на Соловки бытовиков и шпану. Ступали на соловецкую землю воры матёрые и воры начинающие. Большим потоком полились туда воровки и прости-

---

⁵⁴ Эта площадка – в 300 метрах на юг от Святых ворот (их вели вдоль стены Кремля до конца, а потом дальше, не сворачивая), образовалась большая, 80х80 метров, свободная от леса, удобная для постройки. Летом 1975 там начали рыть котлован для жилых домов – и экскаватор выгребал одни кости. Туристы (а среди них – понимающие бывшие ээки) разбирали черепа. Уже и фундамент подняли – а вокруг него во множестве лежали рёбра, ключицы, челюсти, лопатки, тазовые кости, берцовые, фаланги пальцев и позвонки.

тутки (встречаясь на Кемперпункте, кричали первые вторым: «Хоть воруюем, да собой не торгуем!») И отвечали вторые бойко: «Торгуем своим, а не краденым!»). Дело в том, что объявлена была по стране (не в газетах, конечно) борьба с проституцией, и вот хватали их по всем крупным городам, и всем по стандарту лепили три года, и многих гнали на Соловки. По теории было ясно, что честный труд быстро их исправит. Однако, почему-то упорно держась за свою социально-унизительную профессию, они уже по пути напрашивались мыть полы в казармах конвоя и уводили за собой красноармейцев, подрывая устав конвойной службы. Так же легко они сдруживались и с надзирателями – и не бесплатно конечно. Ещё лучше они устраивались на Соловках, где такой был голод по женщинам. Им отводились лучшие комнаты общежития, каждый день приносил им обновки и подарки, «монашки» и другие каэрки подрабатывали от них, вышивая им нижние сорочки, – и, богатые как никогда прежде, с чемоданами, полными шёлка, они по окончании срока ехали в Союз начинать честную жизнь.

А воры затеяли карточные игры. А воровки сочли выгодным рожать на Соловках детей: яслей там не было, и через ребёнка можно было на весь свой короткий срок освободиться от работы. (До них каэрки избегали этого пути.)

12 марта 1929 на Соловки поступила и первая партия несовершеннолетних, дальше их слали и слали (все моложе 16 лет). Сперва их располагали в детколонии близ Кремля с теми самыми показательными топчанами и матрасами. Они прятали казённое обмундирование и кричали, что не в чем на работу идти. Затем и их рассылали по лесам, оттуда они разбегались, путали фамилии и сроки, их вылавливали, опознавали.

С поступлением социально-здорового контингента приободрилась Культурно-Воспитательная Часть. Зазывали ликвидировать неграмотность (но воры и так хорошо отличали черви от трэф), повесили лозунг: «Заключённый – активный участник социалистического строительства!», и даже термин придумали – *перековка* (именно здесь придумали).

Это был уже сентябрь 1930 года – обращение ЦК ко всем трудящимся о развёртывании соревнования и ударничества – и как же заключённые могли остаться вне? (Если уж повсюду запрягались вольные, то не заключённых ли следовало в корень заложить?)

Дальше сведения наши идут не от живых людей, а из книги учёной юристки Иды Авербах⁵⁵, и потому предлагаем читателю делить их на шестнадцать, на двести пятьдесят шесть, а порой брать и с обратным знаком.

Осенью 1930 года создан был соловецкий штаб соревнования и ударничества. Отъявленные рецидивисты, убийцы и налёгчики вдруг «выступили в роли бережливых хозяйственников, умелых техноруков, способных культурных работников» (Г. Андреев вспоминает: били по зубам – «давай кубики, контра!»). Воры и бандиты, едва прочтя обращение ЦК, отбросили свои ножи и карты и загорелись жаждой создать в лагере коммуны. По уставу записали: членом может быть происходящий из бедняцко-средняцкой и рабочей среды (а надо сказать, все блатные записывались Учётно-Распределительной Частью как «бывшие рабочие» – почти сбывался лозунг Шипчинского «Соловки – рабочим и крестьянам!») – и ни в коем случае не Пятьдесят Восьмая. (И ещё предложили коммунары: все их сроки сложить, разделить на число участников, так высчитать средний срок и по его истечении всех разом освободить! Но, несмотря на коммунистичность предложения, чекисты сочли его политически незрелым.) Лозунги Соловецкой коммуны были: «Отдадим долг рабочему классу!» и, ещё лучше: «*От нас – всё, нам – ничего!*» (Этот лозунг, уже вполне зрелый, достоин был, пожалуй, и всесоюзного распространения.) Придуманно было вот какое зверское наказание для провинившихся членов коммуны: *запрещать* им выходить на работу! (Нельзя наказывать вора суровее!!)

⁵⁵ И. Л. Авербах. От преступления к труду / Под ред. А. Я. Вышинского; Академия Наук СССР. Институт советского строительства и права. [М.]: Советское Законодательство, 1936.

Впрочем, соловецкое начальство, не столь горячася, как культвоспитработники, не шибко положило на воровской энтузиазм, а «применило ленинский принцип: ударная работа – ударное снабжение!». Это значит: коммунаров переселили в отдельные общежития, мягче постелили, теплей одели и стали отдельно и лучше питать (за счёт остальных, разумеется). Это очень понравилось коммунарам, и они оговорили, чтоб никого уже не разлучать, из коммуны не выбрасывать.

Очень понравилась такая коммуна и не-коммунарам – и все несли заявления в коммуны. Но решено было в коммуны их не принимать, а создавать 2-й, 3-й, 4-й «трудколлективы», уже без таких льгот. И ни в один коллектив не принималась Пятьдесят Восьмая, хотя самые развязные из шпаны через газету поучали её: пора, мол, пора понять, что лагерь есть трудовая школа!

И повезли самолётами доклады в ГУЛАГ: соловецкие чудеса! бурный перелом настроения блатных! вся горячность преступного мира вылилась в ударничество, в соревнование, в выполнение промфинплана! Там удивлялись и распространяли опыт.

Так и стали жить Соловки: часть лагеря в трудколлективах, и процент выполнения у них не просто вырос, а – вдвое! (КВЧ это объясняло влиянием коллектива, мы-то понимаем, что – обычная лагерная тухта⁵⁶.)

Другая часть лагеря – «неорганизованная» (да ненакормленная, да неодетая, да на тяжких работах) – и, понятно, с нормами не справлялась.

В феврале 1931 года конференция соловецких ударных бригад постановила: «широкой волной соцсоревнования ответить на новую клевету капиталистов о принудительном труде в СССР». В марте было ударных бригад уже 136. А в апреле вдруг потребовалась их генеральная чистка, ибо «классово-чуждый элемент проникал для разложения коллективов». (Вот загадка: Пятьдесят Восьмую с порога не принимали, кто ж им разлагал? Надо так понять: раскрылась тухта. Ели-пили, веселились, подсчитали – прослезились, и кого-то надо гнать, чтоб остальные шевелились.)

А за радостным гулом шла безшумная работа отправки этапов: из материнской соловецкой опухли слали Пятьдесят Восьмую в далёкие гиблые места открывать новые лагеря.

Рассказывают, что одна (ещё одна ли?) перегруженная баржа с заключёнными потонула (ещё случайно ли?).

А с Анзера некоторых заключённых вывозили по одному, секретно. Удивлялась охрана: что это за эки такие тайные?⁵⁷

Откройте, читатель, карту русского Севера. Морской путь с Соловков в Сибирь пролегал мимо Новой Земли. Раз в год (июнь – июль) идут туда караваны судов во главе с ледоколом, везут новых эков и провиант лагерям на год. На Новой Земле тоже были лагеря многие годы, и самые страшные – потому что сюда попадали «без права переписки». Отсюда не вернулся никогда ни единый эк. Что эти несчастные там добывали-строили, как жили, как умирали – этого ещё и сегодня мы не знаем.

Но когда-нибудь дождёмся же свидетельства!

---

⁵⁶ Меня корят, что надо писать туфта, как правильно по-воровски, а туфта есть крестьянское переименование, как Хвёдор. Но это мне и мило: туфта как-то сроднено с русским языком, а туфта совсем чужое, принесли воры, а обучили весь русский народ. Так пусть и будет туфта.

⁵⁷ На Соловках и в 1975 ещё жили: бывший лагерный охранник Ершихин; его жена, бывший заседатель *тройки* в Кеми; бывшие надзиратели Беличкин, Третьяков, Шимонаев. А надзирательский сын Чеботарёв стал председателем исполкома острова. – *Примеч. 1979 г.*

Глава 3

Архипелаг даёт метастазы

Архипелаг получает экономический смысл. – Постановление Совнаркома (1928) о расширении лагерей и бесплатности принудительных работ. – Соловецкий рак расползается по Северу. – Образование главных знаменитых лагерей. – Административная организация. – Лагеря по всем областям СССР. – Кому ближние, кому дальние.

Смягчение и замирание каторжных работ в последние десятилетия России. – Осмысленный труд арестантов в то время. – Ожесточение в советское время. – Нафталий Френкель, нерв ГУЛАГа. – Его долагерная и лагерная биография. – Открытие главных принципов ГУЛАГа. – Лицо.

Советская книга о Беломорканале. – Её история. – Как проходила поездка 120 писателей. – Некоторые из авторов. – Творческая установка Горького. – Точка зрения авторов. – Повторение официальных бредней. – Прославление ведущих чекистов канала. – Горький и чекисты. – На строительстве никто не умирает. – Человеческое сырьё.

Почему Сталин назначил Беломорско-Балтийский канал. – Темпы. – Объём работ. – Ни копейки валюты. – Жертвы канала, не подготовленные к тому. – Условия работы. – Пещерная техника. – Отличие от постройки пирамид. – Изобретательность инженеров. – Давление Ягоды. – Пропаганда и соцсоревнование. – Опора на блатных против социально-чуждых. – Торжество воровства. – Хаотический быт и хаотические рывки работы. – Тухта – орудие контрреволюции. – Штурм за штурмом. – Окончание канала. Прогулка вождей. Писателей.

Каким казался Беломор бывшим соловчанам. – А беженцам с Украины? – Скорость вымирания. – Сколько эков на Архипелаге в начале 1933. – Вечер на канале по Витковскому. – Как на Беломоре сэкономили. – Увековечить убийц. – Моя прогулка близ Повенца. Разговор с охранником. – Непригодность и бездействие канала.

Что самое тяжёлое на каналах: изображать общественную жизнь. – Декларации воспитательной задачи. – Канал Москва – Волга. Соревнование и ударничество. – «У Волги нет выходов». – Политическое воспитание. – Насильственный труд как... внутренняя необходимость. – Техника Волгоканала. – Слёты ударников. – Однако и не перехваливать лагерь! – Материальные стимулы идейности. – Зачёты с применением классовых соображений. – Самозакрепление, когда деться некуда. – Обратная сторона соревновательной шумихи. – Нелепый случай с кузнецом Парамоновым. – Работники юстиции осуждают зачёты. – Репрессии вместо льгот. – Коллективная ответственность. – Что такое лагерная бригада на самом деле. – Трудколлектив на Волгоканале. – Чистка в трудколлективе. – Песни каналоармейцев. – Что значит «чирикать».

Да не сам по себе развивался Архипелаг, а ухо в ухо со всей страной. Пока в стране была безработица – не было и погони за рабочими руками заключённых, и аресты шли не как трудовая мобилизация, а как сметанье с дороги. Но когда задумано было огромной мешалкой перемешать все сто пятьдесят тогдашних миллионов, когда отвергнут был план сверхиндустриализации и вместо него погнали сверх-сверх-сверхиндустриализацию, когда уже задуманы были и раскулачивание, и обширные общественные работы первой пятилетки, – в канун Года Великого Перешива изменился и взгляд на Архипелаг, и всё в Архипелаге.

26 марта 1928 года Совнарком (значит – ещё под председательством Рыкова) рассматривал состояние карательной политики в стране и состояние мест заключения. О карательной политике было признано, что она недостаточна. Постановлено было⁵⁸: к классовым врагам и классово-чуждым элементам применять суровые меры репрессии, устроить лагерный режим.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 393, оп. 78, д. 65, л. 369–372.

Кроме того: поставить принудработы так, чтоб заключённые не зарабатывали ничего, а государству они были бы хозяйственно выгодны. И: «считать в дальнейшем необходимым *расширение ёмкости* трудовых колоний». То есть попросту предложено было готовить побольше лагерей перед запланированными обильными посадками. (Эту же хозяйственную необходимость предвидел и Троцкий, только он опять предлагал свою трудармию с обязательной мобилизацией. Хрен редьки не слаще. Но из духа ли противоречия своему вечному оппоненту или чтоб решительней отрубить у людей жалобы и надежды на возврат, Сталин определил прокрутить трудармейцев через тюремную машину.) Упразднилась безработица в стране – появился *экономический смысл* расширения лагерей.

Если в 1923 на Соловках было заключено не более 3 тысяч человек, то к 1930 – уже около 50 тысяч, да ещё 30 тысяч в Кеми.

С 1928 года соловецкий рак стал распознаться – сперва по Карелии – на прокладку дорог, на экспортные лесоповалы. Также охотно СЛОН стал «продавать» инженеров: они безконвойно ехали работать в любое северное место, а зарплата их перечислялась в лагерь. Во всех точках Мурманской железной дороги от Лодейного Поля до Тайболы к 1929 году уже появились лагерные пункты СЛОНа. Затем движение пошло на вологодскую линию – и такое оживлённое, что понадобилось на станции Званка открыть диспетчерский пункт СЛОНа. К 1930 в Лодейном Поле окреп и стал на свои ноги Свирлаг, в Котласе образовался Котлаг. С 1931 года с центром в Медвежьегорске родился БелБалтлаг⁵⁹, которому предстояло в ближайшие два года прославить Архипелаг во веки веков и на пять материков.

А злокачественные клеточки ползли и ползли. С одной стороны их не пускало море, а с другой – финская граница, – но ничто не мешало устроить лагерь под Красной Вишерой (1929), а главное – безпрепятственны были пути на восток по русскому Северу. Очень рано потянулась дорога Сорока – Котлас («Соробка – построим до срока!» – дразнили соловчане С. Алымова, который, однако, дела своего держался и вышел в люди, в *поэты-песенники*). Доползя до Северной Двины, лагерные клеточки образовали Сев-Двинлаг. Переползя её, они безстрашно двинулись к Уралу. В 1931 году там основано было Северо-Уральское отделение СЛОНа, которое вскоре дало самостоятельные Соликамлаг и СевУраллаг. Березниковский лагерь начал строительство большого химкомбината, в своё время очень восславленное. Летом 1929 из Соловков на реку Чибью была послана экспедиция безконвойных заключённых под главенством геолога М. В. Руцинского – разведать нефть, открытую там ещё в 80-х годах XIX века. Экспедиция была успешна – и на Ухте образовался лагерь, Ухтлаг. Но он тоже не стыл на месте, а быстро метастазировался к северо-востоку, захватил Печору – и преобразовался в УхтПечлаг. Вскоре он имел Ухтинское, Печорское, Интинское и Воркутинское отделения – всё основы будущих великих самостоятельных лагерей.

И тут ещё многое пропущено.

Освоение столь обширного северного бездорожного края потребовало прокладки железной дороги: от Котласа через КняжПогост и Ропчу на Воркуту. Это вызвало потребность ещё в двух самостоятельных лагерях, уже железнодорожных: СевЖелДорлаге – на участке от Котласа до реки Печоры, и Печорлаге (не путать с промышленным УхтПечлагом) – на участке от реки Печоры до Воркуты. (Правда, дорога эта строилась долго. Её вымьский участок от КняжПогоста до Ропчи был готов в 1938, вся же она – лишь в конце 1942.)

Так из тундренных и таёжных пучин подымались сотни средних и маленьких новых островов. На ходу, в боевом строю, создавалась и новая организация Архипелага: Лагерные Управления, лагерные отделения, лагерные пункты (ОЛПы – отдельные лагерные пункты, КОЛПы – комендантские, ГОЛПы – головные), лагерные участки (они же – «командировки» и

⁵⁹ Это – официальная дата, а фактически с 1930, но организационный период скрыли для краткости сроков, красоты и истории. И тут тухта...

«подкомандировки»). А в Управлениях – Отделы, а в отделениях – Части: I – Производственная, II – Учётно-Распределительная (УРЧ), III – ОперЧекистская.

(А в диссертациях в это время писалось: «вырисовываются впереди контуры воспитательных учреждений для *отдельных* недисциплинированных членов безклассового общества» (сборник «От тюрем...», стр. 429). В самом деле, кончаются классы – кончаются и преступники? Но как-то дух захватывает, что вот завтра – безклассовое, – и никто не будет *сидеть*?.. всё же отдельные недисциплинированные посидят... Безклассовое общество тоже не без тюрюги.)

Так вся северная часть Архипелага рождена была Соловками. Но не ими же одними! По великому зову советской власти исправительно-трудовые лагеря и колонии вспучивались по всей необъятной нашей стране. Каждая область заводила свои ИТЛ и ИТК. Миллионы километров колючей проволоки побежали и побежали, пересекаясь, переплетаясь, мелькая весело шипами вдоль железных дорог, вдоль шоссеиных дорог, вдоль городских окраин. И охлупы уродливых лагерных вышек стали вернейшей чертой нашего пейзажа и только удивительным стечением обстоятельств не попадали ни на полотна художников, ни в кадры фильмов.

Как повелось ещё с Гражданской войны, усиленно *мобилизовались* для лагерной нужды монастырские здания, своим расположением идеально приспособленные для изоляции. Борисоглебский монастырь в Торжке пошёл под пересыльный пункт (и сейчас он там), Валдайский (через озеро против будущей дачи Жданова) – под колонию малолетних, Нилова Пустынь на селигерском острове Столбном – под лагерь, Саровская Пустынь – под гнездо Потьминских лагерей, и несть конца этому перечислению. Поднимались лагеря в Донбассе, на Волге Верхней, Средней, Нижней, на Среднем и Южном Урале, в Закавказьи, в Центральном Казахстане, в Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке. Официально сообщается, что в 1932 году площадь сельскохозяйственных исправтрудколоний по РСФСР была – 253 тысячи гектаров, по СССР – 56 тысяч⁶⁰. Кладя в среднем на одну колонию по тысяче гектаров, мы узнаём, что одних только «сельхозов», то есть самых второстепенных и льготных лагерей, уже было (без окраин страны) – более трёхсот!

Распределение заключённых по лагерям ближним и дальним легко решилось постановлением ЦИК и СНК от 6.11.1929. (И всё годовщины попадают...) Упраздняялась прежняя «строгая изоляция» (мешавшая созидательному труду), устанавливалось, что в *общие* (ближние) места заключения посылаются осуждённые на сроки менее трёх лет, а от трёх до десяти – в отдалённые местности⁶¹. Так как Пятьдесят Восьмая никогда не получала менее трёх лет, то вся и хлынула она на Север и в Сибирь – освоить и погибнуть.

А мы в это время – шагали под барабаны!..

* * *

На Архипелаге живёт упорная легенда, что «*лагеря придумал Френкель*».

Мне кажется, эта непатриотичная и даже оскорбительная для власти выдумка достаточно опровергнута предыдущими главами. Хотя и скудными средствами, но, надеюсь, нам удалось показать рождение лагерей для подавления и для труда ещё в 1918 году. Безо всякого Френкеля додумались, что заключённые не должны терять времени в нравственных размышлениях (целью советской исправительно-трудовой политики вовсе не является индивидуальное исправление в его традиционном понимании), а должны трудиться, и при этом нормы им

⁶⁰ От тюрем к воспитательным учреждениям, с. 136, 137.

⁶¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением делами СНК СССР. 1929: Отд. 1. № 72.

надо назначить покрепче, почти непосильные. До всякого Френкеля уже говорили «исправление через труд» (а понимали ещё с Эйхманса как «истребление через труд»).

Да даже и современного диалектического мышления не нужно было, чтобы додуматься до использования заключённых на тяжелых работах в малонаселённой местности. Ещё в 1890 году в Министерстве путей сообщения возникла мысль привлечь ссыльно-каторжных Примурского края к прокладке рельсового пути. Каторжан просто заставили, а ссыльно-поселенцам и административно-ссылным было разрешено работать на прокладке дороги и за это получить скидку трети или половины срока (впрочем, они предпочитали побегом сбросить весь срок сразу). С 1896 по 1900 год на кругбайкальском участке работало больше полутора тысяч каторжан и две с половиной тысячи ссыльнопоселенцев.

Но вообще-то на русской каторге XIX века шло развитие обратное: труд становился всё менее обязательным, замирал. Даже Карийская каторга к 90-м годам обратилась в места высидочного заключения, работ больше не производилось. К тому же времени помягчели и рабочие требования на Акатуге (П. Якубович). Так что привлечение каторжных к кругбайкальской дороге было скорее нуждой временной. Не наблюдаем ли мы опять «два рога» или параболу, как и со срочными тюрьмами (Часть Первая, глава 9): ветвь смягчения и ветвь ожесточения?

Что же до мысли, что осмысленный (и уж конечно не изнурительный) труд помогает *преступнику* исправиться, то она известна была, когда ещё и Маркс не родился, и в российском тюремном управлении тоже практиковалась ещё в прошлом веке. П. Курлов, одно время начальник тюремного управления, свидетельствует: в 1907 году арестантские работы широко организованы; их изделия отличаются дешевизной, занимают производительное время арестантов и снабжают их при выходе из тюрьмы денежными средствами и ремесленными познаниями.

И всё-таки Френкель действительно стал нервом Архипелага. Он был из тех удачливых деятелей, которых История уже с голодом ждёт и заывает. Лагеря как будто и были до Френкеля, но не приняли они ещё той окончательной и единой формы, отдающей совершенством. Всякий истинный пророк приходит именно тогда, когда он крайне нужен. Френкель явился на Архипелаг к началу метастазов.

Нафталий Аронович Френкель, турецкий еврей, родился в Константинополе. Окончил коммерческий институт и занялся лесоторговлей. В Мариуполе он основал фирму и скоро стал миллионером, «лесным королём Чёрного моря». У него были свои пароходы, и он даже издавал в Мариуполе свою газету «Копейку», с задачей – порочить и травить конкурентов. Во время Первой Мировой войны Френкель вёл какие-то спекуляции с оружием через Галлиполи. В 1916 году учуял грозу в России, ещё до Февральской революции перевёл свои капиталы в Турцию, и следом за ними в 1917 сам уехал в Константинополь.

И дальше он мог вести всю ту же сладко-тревожную жизнь коммерсанта, и не знал бы горького горя, и не превратился бы в легенду. Но какая-то роковая сила влекла его к красной державе. (Впрочем, с самого февраля 1917 кидались на возврат в Россию многие совсем не революционные эмигранты, и охотливо и зловеще помогли всем стадиям революции.) Не проверен слух, будто в те годы в Константинополе он становится резидентом советской разведки (разве что по идейным соображениям, а то трудно вообразить – зачем это ему нужно). Но вполне точно, что в годы НЭПа он приезжает в СССР и здесь по тайному поручению ГПУ создаёт, как бы от себя, чёрную биржу для скупки ценностей и золота за советские бумажные рубли (предшественник «золотой кампании» ГПУ и Торгсина). Дельцы и маклеры хорошо его помнят по прежнему времени, доверяют – и золото стекается в ГПУ. Скупка кончается и, в благодарность, ГПУ его сажает. На всякого мудреца довольно простоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.